

№ 58 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

ФЕВРАЛЬ 1959 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

35-й год издания

ДЕЛО ПАСТЕРНАКА

Ставшее притчей во языцех дело Пастернака и его книга — "Доктор Живаго" — вызвавшая это "дело" — не одно и то же. Книга относится к области литературы и искусства, "дело" же — явление исключительно политическое, ничего общего не имеющее ни с литературой, ни с искусством. Поэтому когда речь идет о деле Пастернака, а не об его книге, то волей-неволей приходится оставаться в рамках политики.

Самое главное в деле Пастернака, по нашему мнению, — это то, что это "дело" является документальным доказательством бессмертия духа непокорности. Казавшаяся гибель всего великого, чистого и возвышенного, к счастию, не подтверждается. Дело Пастернака опровергает распространившееся было мнение, что большевики все убили, все задушили, превратили страну в сплошное кладбище, на котором не может проявиться даже незначительная захватывающая живая идея.

Считать Пастернака борцом за великие идеи, пожалуй, рискованно. Но дело не в этом. Суть не в социальном или политическом "кредо" Пастернака, а в том, что если Пастернак не сломился под тяжестью диктатуры, если он сумел донести до нас свои сокровенные мысли и думы, то нет сомнения, что в России есть люди — настоящие борцы за великое и возвышенное — которых тоже диктатура не может морально раздавить. Люди эти молчат, как десятки лет молчал Пастернак, но они не сдаются, не капитулируют духовно.

Пастернак заговорил когда показалось, что над страной повеяло "оттепелью." (Тогда заговорил не только Пастернак, но и другие. Даже Эренбург в то время взял было совсем иной тон.) Не трудно представить, как заговорило бы население России, если бы наступила настоящая, а не мнимая оттепель.

Россия никогда не оставалась без таких

УМЕР К. Ф. ГОРДЕЕНКО

30 ноября 1958 г. скончался Касьян Филиппович Гордеенко, долгие годы занимавший пост редактора русских безвластнических изданий, в том числе и "ДТП." Некролог, посвященный т. Гордеенко, будет напечатан в следующем номере "ДТП."

людей, как Герцен, Бакунин, Толстой или Кропоткин. Там всегда были борцы за свободу и справедливость. Есть они и теперь. Об этом прежде всего свидетельствует многомиллионное тюремное население. Покорных и согласных с "генеральной линией," ведь, в тюрьмы не посылают. Об этом же свидетельствуют постоянные провалы на всех хозяйственных фронтах. Население не поддерживает никаких правительственных мероприятий. Только отдельные выскочки попадают в разряд "стахановцев." Большинство населения ко всему относится с полной апатией. А апатия, как известно, — пассивная оппозиция. Вспыхивающие время от времени студенческие беспорядки тоже подтверждают, что Россию нельзя превратить в потухший вулкан. Расплавленная лава там всегда есть, только не всегда она находит выход.

"О, Терек, ты прервал свой рев" — воскликнул когда то поэт, увидя как каменные глыбы, скатившиеся с горы, запрудили дно реки. Опасения поэта, однако, не оправдались. Под напором задних волн Терек прорвал запруду и понесся дальше. То же произойдет и с Россией. Расплавленная лава не может всегда оставаться в неподвижном состоянии. Когда-нибудь она вырвется наружу. И, как закон физики, чем сильнее зажим, тем сильнее будет взрыв. Счастье это или несчастье для России, но почему то там всегда так получается: сначала сильный гнет, потом сильный взрыв.

Следующее, о чем нам дело Пастернака свидетельствует, это — сила и значение печатного слова. В руках большевиков сильное государство, равного которому, если исключить Соединенные Штаты, нет в мире. В руках Пастернака, кроме печатного слова, ничего нет. И вот это могущественное государство, этот современный Голиаф, убоялся маленького, беззащитного Давида и открыл ему войну. Открыл и... потерпел поражение.

Поражение большевиков в деле Пастернака, конечно, следует понимать не в прямом, а в переносном смысле. Определяется оно степенью популярности автора "Доктора Живаго." Нет никакого сомнения, что если бы книга Пастернака вышла так, как полагается выходить книгам, — свободно и беспрепятственно, — то она не получила бы такой широкой огласки, какой пользуется сейчас. Даже если бы Пастернаку была присуждена нобелевская премия, то и тогда он не имел бы такой популярности, какую имеет сейчас. Без преувеличения можно сказать, что самый известный писатель в наше время — Пастернак, а самая ходкая книга — "Доктор Живаго." Вот уже несколько месяцев "Доктор Живаго" стоит на первом месте (в США) по количеству продаваемых экземпляров. Ни на какую другую книгу нет такого спроса, как на книгу Пастернака. И этот интерес к книге Пастернака и к ее автору создан большевиками, уподобившимися в данном случае известной унтер-офицерше, собственноручно себе высекшей. Спасает большевиков тут только то обстоятельство, что у них, как и у всех некультурных людей, нет чести и совести. Иначе они должны были бы сгореть от позора. Но со стороны всем видно, что победителем вышел Пастернак, а не большевики. Слава писателя значительно возросла, престиж же большевиков (если предположить, что у них мог быть престиж) значительно понизился.

Завоевал Пастернак общественное мнение, конечно, не своей книгой, а своим положением. Если говорить о книге Пастернака, как о таковой, то мнения очень далеко разойдутся. В этом не может быть никакого сомнения. Но когда речь идет о положении Пастернака, то тут все сходятся на том, что Пастернак, — жертва произвола. Его травят, оскорбляют, обливают помоями, он же в свое оправдание не может даже слова вымолвить. Поединок слишком неравный. На одной стороне — огромная грубая сила, а на другой — никакой грубой силы нет. На одной стороне — гонители и хулители, а на другой — гонимый и преследуемый. Вот этот терновый венец, насильно надетый на голову Пастернака, и вызывает к нему сочувствие даже со стороны тех, кто далеко не разделяет его взглядов. В частности, мы, безвластники, не можем согласиться с Пастернаком во многих вопросах, но тем не менее мы осуждаем действия большевиков, приведшие к запрету печатания книги Пастернака и к его отказу от нобелевской премии. Осуждаем мы эти действия потому, что это — грубое попрание свободы слова и печати. Свобода слова — это то,

что отличает культурного человека от дикаря. Лучшие умы человечества боролись за этот принцип и энергично протестовали против его нарушения. Большевикам, несомненно, известно, что если их газеты, журналы или книги, издающиеся в буржуазных странах, подвергаются иногда козням, то вся свободолюбивая часть общества протестует против этих козней. И протестует не потому, чтобы свобод. части общества было дорого то, что говорят большевики в своих изданиях, а потому, что преследованием большевистской печати нарушается священный принцип свободы слова. Вот по этим же соображениям свободолюбивая часть общества стоит на стороне Пастернака. В данном случае совершенно не важно, что написал Пастернак, — важно то, что он подвергся преследованиям и его книга попала под запрет.

Когда большевики говорят о Соединенных Штатах, то они почти всегда указывают, что цветное население этой страны до сих пор в некоторых штатах не пользуется одинаковыми правами. К сожалению, большевики здесь правы. Но разве они не поставили Пастернака на положение американских негров? Разве они не изолировали его от остальной писательской среды точно так же, как негры в Соединенных Штатах изолируются от белого населения? Пастернак теперь такой же бесправный человек как и темнокожий житель штата Джорджия. А большевики фактически стоят на тех же позициях, на которых стоят члены Ку-Клукс-Клана.

Свобода не должна быть чьей бы то ни было собственностью. Никто не должен ее монополизировать. Всякая монополизация в конечном счете ведет к неравенству, к созданию разных социальных категорий. На почве монополизации материальных благ (собственность) общество разделилось на бедных и богатых. На почве монополизации гражданских прав (диктатура) общество делится на правомочных и бесправных. Одни владеют всем, а другие — ничем. Само собой понятно, что такое общество не может нормально развиваться и иметь здоровый вид. Как в биологическом организме немыслимо правильное циркулирование крови, если одна часть организма зажата в тиски, так и в социальном организме немыслимо правильное функционирование общественных сил, если какая-либо часть общества пришиблена, затравлена и лишена материальной или же духовной пищи. Для правильного функционирования, все части социального тела должны получать одинаковое питание. И материальная, и духовная пища должна равномерно распределяться. Все должны получать по потребностьям...

Илья Эренбург в своей новогодней статье с сокрушением отметил, что в России, несмотря на ликвидацию безграмотности, все еще нет большого писателя. Но Эренбург не пошел до конца, — не указал причин, мешающих появлению большого писателя. А причины эти очень ясны. Дело Пастернака все объясняет. До сих пор на горизонте России не засияла звезда большого писателя исключительно потому, что там нет свободы. Писателю прежде всего и больше всего нужна свобода. Даже хлеб, как правильно заметил В. Дудинцев, не так важен, как свобода. Писатель должен пользоваться полной независимостью. Только тогда он может свободно и вдохновенно творить. У большевиков же свободных писателей нет. Современные сов. писатели до известной степени напоминают фабричных рабочих. Как фабричный рабочий должен производить известные действия по плану и по приказу свыше, так и сов. писатель должен писать по плану и по приказу свыше. Поэтому и труды сов. писателей похожи на предметы фабричного производства. Почти все труды одинаковые, сухие, безжизненные. В них не чувствуется никакого вдохновения, никакого пафоса. Простое выполнение заказа...

Вот почему в сов. России не видно большого писателя. Там писатель не может свободно писать. Под свежим впечатлением дела Пастернака это должно быть ясно не только таким людям как Эренбург, но и простому смертному. Только что писателю, лауреату нобелевской премии, зажали рот, и вдруг Эренбург утверждает, что нет большого писателя!.. Предположим, что в то самое время, когда Анатолю Франсу была присуждена нобелевская премия, кто-нибудь из французов заявил, что во Франции нет большого писателя. Как это прозвучало бы? Вот так звучит заявление Эренбурга, сделанное чуть ли на другой же день после присуждения Пастернаку премии. Даже ес-

ли предположить, что в присуждении премии сыграли известную роль политические мотивы (большевики все время это подчеркивают), то и тогда утверждение Эренбурга не освобождается от странности, ибо за одну лишь политику премия по литературе никогда не присуждалась и никогда не будет присуждена. Избранный лауреат все же должен быть писателем, и при том — не ординарным.

Нет никакого сомнения, что в России, как и в других странах, могут быть большие писатели, есть они, вероятно, и теперь, но живут они в такое лихое время, когда выше Хрущева никто не должен подниматься. Секретарь партии все: он и лучший писатель, и лучший ученый, и лучший полководец. При Сталине это открыто утверждалось, а при Хрущеве хотя открыто и не утверждается, но тем не менее неукоснительно проводится в жизнь. Святым и не подлежащим оспариванию считается только то, что сказал Никита Сергеевич, а если сказанное другими не согласуется со сказанным Никитой Сергеевичем, то этих других постигает участь Пастернака, Дудинцева, Зощенко, Ахматовой и многих других. Вот где "зарыта собака." Не писателей нет в России, а нет возможности им говорить. Эренбургу, как атвору "Оттепели," это, несомненно, хорошо известно. Совсем непонятно почему он выступил со своим странным заявлением.

В заключение следует сказать хоть несколько слов, если не по существу книги Пастернака, то о некоторых выводах, непосредственно отсюда вытекающих. Выше было отмечено, что считать Пастернака борцом за великие идеи — дело рискованное. Как раз противоположные выводы можно сделать из его книги. Пастернак, повидимому, противник какой бы то ни было революции. Прежний дореволюционный быт изображен им, если и не в розовых красках, то все же довольно сносно. И на базарах всего было довольно, и качество предметов хорошее, и в домах уют, и т. д. Но вот пришла революция — февральская, а не октябрьская — и всего этого не стало. Слова о срыве крыши с России относятся к февральской революции. Это она, февральская революция, разрушила здание, именуемое Россией. До этого население страны находилось под крышей, защищавшей всех от бурь и непогод. Если кто-либо и не ощущал тепла, то во всяком случае, как говорится, за воротник не текло. Но как только прежний быт рухнул, над страной сразу нависли бедствия и невзгоды.

Еще задолго до октябрьского переворота, еще летом 1917 г., вернувшийся с фронта в Москву доктор Живаго застал город в полном запустении: улицы засорены, не подметены, в магазинах пусто, на базарах хотя народ и собирался, но товаров уже не было. Среди населения только и разговоров было, что о предстоящей зиме "без дров, без воды и света." (Слова жены доктора Живаго.) И первой заботой доктора Живаго, только что влившегося в послереволюционную народную гущу большого города, было — приобрести на Арбате особую плоскую железную печку, посредством которой можно было бы обогреть если не всю, то хотя бы часть квартиры. Оказывается, что "уплотнение жилплощади" началось еще задолго до захвата власти большевиками. Еще в то время, когда Ленин скрывался в Финляндии, а героем дня слыл Керенский, доктор Живаго вместе с женой и тестем уже разработал план "уплотнения" квартиры. Решено было оставить не больше трех комнат, поставить там купленную на Арбате печку, а остальные комнаты закрыть. Вопрос о дровах был самым насущным вопросом. При встрече первым долгом спрашивал: "достали дров?" Даже в госпитале, где Живаго служил, больше говорили о дровах, чем о других вещах. Началась настоящая спекуляция и вандализм. Разбирали заборы, пустующие постройки, все это претворяли в дрова и продавали их по баснословной цене. Не обходилось и без подлогов: сырые дрова сбывали за сухие. Поглощенного возней с сырыми дровами, никак не разгоравшимися в печке, и застала доктора Живаго октябрьская революция. Таким образом, из книги Пастернака видно, что бедствия и лишения начались еще до большевиков. Еще в июне месяце (когда цвели липы) возвращавшегося с фронта доктора Живаго поразило обилие мешочников, сновавших по стране в разных направлениях. А на железных дорогах и на железнодорожных станциях уже тогда стоял настоящий Содом и Гоморра. Везде наблюдалась давка,

толкотня, брань, ругань. Поезда брались с бою. Ехали где попало и как попало. Словно это было лето не 1917, а 1918 года.

Слов нет, революция — не симфония и в белых перчатках она не делается, но все же, по общепринятому мнению, февральская революция произошла без особых эксцессов и явилась большим шагом вперед на пути исторического шествия страны. Цепь рабства, невежества и полуфеодализма порвалась. Страна вышла на путь гражданских свобод. У Пастернака же получается, что февральская революция явилась не шагом вперед, а падением в бездну. И все же, несмотря на все это, книга Пастернака должна была быть напечатана. Нарушение свободы слова — ничем не оправдываемое варварство. С Пастернаком можно не соглашаться, можно с ним спорить, но зажимать ему рот — никто не имеет права. Пресечение свободных действий допустимо только тогда, когда свобода переходит в произвол. Например, остановить разбойника — не будет нарушением свободы. Как раз наоборот: это — укрепление, защита свободы, ибо разбойник своими действиями не только нарушает свободу других, но и причиняет кому то непоправимый вред. С этой точки зрения, остановить эксплоататора, наживающего огромные богатства на труде и поте других, тоже не противоречит принципам свободы. Эксплоатация, как и разбой на большой дороге, не свобода, а произвол. Но Пастернак никакого произвола не учинил. Он никого не насиловал, поэтому произвол учинили те, кто его остановил. Не Пастернак, а большевики дико поступили. И так как свободолюбивое человечество прежде всего осуждает произвол, поэтому у Пастернака и оказалось так много сочувствующих, несмотря на то, что среди них есть немало и таких, которые не соглашаются с автором "Доктора Живаго."

Дело Пастернака, в общем, не личное дело автора "Доктора Живаго." Это — вопрос мирового значения — о свободе слова. Свобода слова — преддверие к лучшей жизни человечества. Без свободного обмена мнений люди никогда не узнают, что такое истина. Поэтому как только этот принцип кем-либо нарушается, — свободолюбивая часть человечества и выступает с протестом против нарушителей. Очень возможно, что среди симпатизирующим Пастернаку есть немало и таких людей, которые по своим методам не уступают большевикам. Но так уж всегда бывает. Часто сами большевики выступают в роли плакальщиков там, где их не просят. (Достаточно вспомнить дело Сакко и Ванцетти.) Пастернака теперь каждый тянет в свою "лавочку." В общем же, Пастернак "ни чей." Он один из тех людей, в которых никогда не было недостатка в России. Особенность этих людей — недовольство существующим и тоска по прошлому. И то, о чем эти люди говорят, обычно определяется одним словом — упадочничество. Или же — разочарование. Пастернак — раздавленная событиями личность. Почти все его герои погибают бесцельно, бесмысленно...

Колокольцев

ОБ АНАРХИЗМЕ

(С английского)

Прежде всего следует выяснить, что такое **не** анархизм.

Анархизм — **не хаос,** несмотря на то, что слово "анархия" часто в таком смысле употребляется. Говорящие об анархии, как о хаосе, обыкновенно смешивают два понятия: порядок и закон. Буржуазным толкователям кажется, что если бы не было законов, то не было бы и порядка. Это — заблуждение. Законы создаются не для того, чтобы поддерживать порядок, а для того, чтобы **принуждать** других выполнять известные нормы. Закон находится в явном противоречии со свободой, порядок же и свобода — тождественны. Человек чувствует, что он свободен лишь тогда, когда не испытывает никакого давления **извне.** Само собой понятно, если человек желает, чтобы на него никто не производил давления, то в то же самое время он знает, что и другие желают этого же. Иными словами: **никто не должен давить на меня, но и я не должен давить на других.** Этим и устанавливается порядок. Закон фактиче-

ски лишь нарушает такой порядок. Закон — это принуждение, а не добровольное волеизлияние. Поэтому анархисты не думают, что с отменой существующих законов будет нарушен порядок. Скорее наоборот: порядок перестанет нарушаться.

Анархизм — **не утопия**, если под последней понимать млечные реки в кисельных берегах. Люди — не боги, поэтому установить какую то райскую жизнь на земле никогда не удастся. Но если под утопией понимать **желание лучшего**, то анархистов вполне можно считать утопистами. Но в таком случае всех людей можно считать утопистами, ибо все люди чего то желают. Капиталисты, напр., желают, чтобы взимаемый с них налог был снижен до минимума и чтобы рабочие всецело зависели от них, капиталистов, и покорно снимали перед ними шапку. Рабочие (современные) желают, чтобы каждую неделю выходили их номера, т. е. хотят сразу же выиграть целое состояние. Доктора желают, чтобы было больше больных (там, где частная практика), владельцы похоронных бюро— чтобы побольше было мертвецов и т. д. Одним словом у всех есть желания. Есть, конечно, желания и у анархистов, и сводятся они к тому, чтобы всем, а не только анархистам, было лучше. Но желание лучшего — не совершенство. Совершенство означает достижение конечной цели. Цель достигнута, дальше некуда идти, наступает застой. До такой степени общество никогда не дойдет. Люди всегда будут стремиться вперед, всегда будут желать лучшего. Одним словом, если под утопией понимать блаженство в чаще райских кустов и цветов, то анархисты ничего общего не имеют с такой утопией. Но если под утопией понимать стремление к лучшему, то анархисты не боятся связать свою судьбу с такой утопией.

Анархизм — **не политическая партия.** Единственное участие анархистов в политике сводится к тому, чтобы разъяснять, что такое политика. В тоталитарных странах "политика" весьма проста: все базируется на грубой силе. В демократических странах грубая сила не так бросается в глаза. Она действует прикрывшись чемлибо заманчивым, да так ловко, что создается впечатление, что никакой грубой силы тут нет. Но это обман. Никакая власть не может существовать без грубой силы. Всякая власть прежде всего опирается на полицию и войско, т. е. грубую силу, и в случае надобности пускает в ход эту грубую силу. Диктаторскую власть можно сравнить со львом, с расскрытыми когтями, а демократическую — со львом, с запрятанными когтями. Но когти есть как у диктаторской, так и у демократической власти.

Аполитичность анархистов вытекает из того, что они не признают деления людей на правителей и управляемых. Анархисты не желают управлять другими, но в то же время не желают, чтобы и ими управляли. Все должно базироваться на принципе самоуправления. Но самоуправление должно быть действительным, а не фиктивным, как это наблюдается в современных государствах, где власть всегда находится в руках меньшинства, господствующего над большинством.

Все политические партии стремятся к власти. Каждая партия хочет править страной и перекраивать порядки по своему вкусу и желанию. Анархисты к власти не стремятся, следовательно, им нечего делать в области политики.

Анархисты не признают никаких авторитетов — ни земных, ни небесных. Выше **человека** ничего не должно быть. Каждый человек — хозяин над собой, но не над другими. "Никаких господ — ни больших, ни малых" — как сказал В. Моррис. Еще лучше эту мысль выразил, как это ни странно, американский демагог Х. Лонг, сказавший однажды: "Каждый человек — король." Действительно, каждый человек — король, но только в том смысле, что он свободен, но не в том, что он, подобно нынешним королям, может давить своей короной других. Никто никого не должен давить. Все — свободны, следовательно, все — короли. Общество состоит только из королей, но без подданных. Это — анархизм. Хозяин есть, а раба нет.

Власть портит и развращает людей. Но она портит не только того, кто облачен прерогативами власти, но иногда и того, кто является подвластным. Этим и объясняется почему у известной части людей таится желание добраться до власти. Еще не имея в своих руках власти, они уже мечтают о том, как они будут править и

командовать другими. Власть для них служит как бы миражем. Возможно, они никогда к ней не доберутся, но тем не менее они ею зачарованы. Вследствие этого они, даже не находясь у власти, обоготворяют власть, ибо думают, что и они ее когда-нибудь будут иметь. Уже ради вот этих самообманывающихся людей (впрочем, не всегда они самообманываются, иногда им, действительно, удается добраться до власти) не должно быть власти на земле. Ибо она портит не только тех, кто уже держит в своих руках бразды правления, но и тех, кто лишь мечтает об этих браздах.

В результате деления людей на всевозможные нации, расы, касты, сословия, классы и т. д. забыто самое главное — **человек.** Человека теперь нет. Есть англичане, французы, евреи, немцы; есть буржуа, пролетариат, интеллигенция; есть рудокопы, портные, счетоводы и т. д. А между тем, если все эти искусственные наклейки снять, пред нами предстанет что-то общее — человек. В природе нет ни немца, ни француза, ни земледельца, ни фабричного рабочего. В природе — только человек. Но "человек" не только общий знаменатель. "Человек" — это что то законченное, неповторимое. Не только физическими особенностями (на этом построена "наука" об отпечатке пальцев), но и складом своего мышления каждый человек отличается от других. Каждый может сказать: "я есть я." И это будет не игра слов, а сущая правда, ибо никто другой не может стать "я."

Легенда говорит, что Моисей, увидя горящий и несгорающий куст, спросил: "кто ты?" Из пламени раздался голос: "Я есть тот, кто я есть." Религиозным людям кажется, что так ответить мог только Бог. В сущности же так ответить может каждый человек. Каждый с полным основанием может сказать: "я есть тот, кто я есть." И если Бог этим ответом подчеркивал свое совершенство, то человек этими же словами может подчеркивать свое совершенство. Каждый человек совершенен в том смысле, что нет другого такого же человека.

На первых порах это может показаться чистейшим эгоизмом. Но это не так. Для анархиста нет эгоизма, как чего то противоположного альтруизму. Эгоизм и альтруизм для анархиста сливаются вместе. Анархист борется за **свою** свободу, но он знает, что его свобода связана со свободой **других (свободный** человек мыслим только в свободном **обществе,** т. е. когда все свободны), поэтому, борясь за свою свободу, он вместе с тем борется и за свободу **других.** Даже в оказании помощи другим есть известная доля эгоизма, ибо оказывающий помощь находит в этом некоторое свое **личное** удовольствие, по крайней мере в том смысле, что другие могут сказать: какой он **добрый** человек.

Сознание своего достоинства ведет к признанию достоинства за другими. Когда анархист говорит: "я — человек," он этим подчеркивает, что другие тоже "человеки," ибо слово "человек" одинаково относится ко всем поднявшимся выше животных. С полным основанием анархист может сказать: "Я есть я, ты есть ты. Я не могу быть ты, ты не можешь быть я. Но я — человек и ты — человек. Стало быть, мы — люди, поэтому и должны относиться друг к другу как люди, а не как звери."

В этом и заключается братство и равенство людей. Равенство, однако, не означает, что мы одинаковые. Нет, мы **разные,** но **равные.** Братство, в свою очередь, не означает, что мы должны любить друг друга, как брат любит брата. (Впрочем, не всегда брат любит брата.) Нет, никто не обязан любить кого то. Братство означает, что мы не должны вредить друг другу, не должны возвышаться друг над другом. Короче говоря, братство и равенство возможны лишь там, где нет команды и приказов. Где команда, там одна личность стоит выше другой, а потому ни равенства, ни братства там не может быть.

Не следует, однако, перегибать палку в противоположную сторону. Ошибочно полагать, что в анархическом обществе все будут Платоны, Декарты, Менделеевы или Эдисоны, т. е. настолько самостоятельные и законченные личности, что никто не будет нуждаться в помощи других. Нет, такого общества, вероятно, никогда не будет. Люди всегда будут только люди, — со всеми своими плюсами и минусами. В свободном анархическом обществе, как и в другом обществе, люди будут разные: высокие и небольшие, блондины и брюне-

ты, сильные и бессильные, более одаренные от природы и менее одаренные, мастера на все руки и посредственные личности. Не каждый сможет сказать: "я швец, жнец и на дуду игрец." Очень многие будут нуждаться в советах и в помощи других. Очень многое будет зависеть от окружающих условий. Единственно чем будет отличаться анархическое общество — отсутствием авторитета. Советы и помощь будут даваться лишь нуждающимся в этом. И это, действительно, будут советы и помощь, а не приказы. Жизнь без приказов и есть анархизм.

Критикуют анархизм за разные "грехи," но больше всего за то, что он якобы не практичен. Обыкновенно говорят: "как теория, анархизм—замечателен, но на практике он немыслим." Говорящие это не замечают, что анархизм постепенно утверждается в жизни самым ходом вещей, т. е. без усилий с чьей бы то ни было стороны. Основная идея анархизма — ценность и неприкосновенность личности. Эта идея постепенно, под тем или иным предлогом, входит в жизнь. Сравнительно недавно (по сравнению с историей человечества) значительная часть людей находилась на положении скота. Их можно было безнаказанно продавать, избивать и даже убивать. Теперь этого нет — по крайней мере в странах, считающихся передовыми. Сохранившиеся еще кое-где расовые и национальные предрассудки — мелочь по сравнению с тем, что было когда-то. Произошло также поравнение в области пола. "Жена да боиться мужа" — отошло в область преданий. Только в некоторых местах Африки и Азии женщина все еще подчинена мужчине, в европейских же странах этого давно нет. Женщина стоит на одном уровне с мужчиной, а в некоторых отношениях, как существо слабое и беззащитное — даже выше. Расширяющееся и укрепляющееся равноправие личности — в родовом и политическом смысле — и есть анархизм, хотя об этом никто ничего не говорит. Большим изъяном современного общества считается отсутствие равенства в экономическом смысле. Но и тут кое-что "трансформируется" — тоже как то само собой — если не в смысле полного искоренения неравенства, то в смысле придания ему (неравенству) менее болезненных форм. Классический буржуазный лозунг — "хелп юр селф" — уже не играет прежней роли. Человек, оказавшийся в безвыходном положении, может расчитывать хотя бы на самую незначительную помощь со стороны общества. Это, конечно, меньше чем крохи, падающие со стола, но все же это уже шаг вперед по сравнению с тем временем, когда бедняку никто не оказывал никакой помощи. Так что "непрактичный" анархизм, в виде вот всех этих перемен, — хотя и небольших, но ведущих к полному уравнению людей, — постепенно утверждается, даже в современном больном обществе. Как видно сама жизнь ведет нас к анархизму. Государство все еще играет колоссальную роль, но постепенно и оно теряет свой "священный" авторитет. Этому в значительной мере способствует то обстоятельство, что лица, облаченные властью, часто злоупотребляют своим положением. Мошенничества оффициальных лиц — лучший подрыв авторитета власти и государства.

Есть ли разница между современным анархизмом и анархизмом 19-го века? Разницы в анархизме нет, но в мышлении анархистов — есть. Современные анархисты отличаются от своих предшественников тем, что у них меньше иллюзий насчет легкости осуществления анархизма. Очень возможно, что анархизм не осуществится методом рассечения Гордиева узла, т. е. сразу. Очень возможно, что он будет осуществляться постепенно. Даже если произойдет революция в анархическом смысле, то возможно, что анархизм сразу, "на другой день," не осуществится в полном объеме. Вследствие этого, современные анархисты больше, чем их предшественники, подготовлены к разным трудностям, неожиданностям и неудачам.

Вторая отличительность заключается в том, что анархисты 19-го века почти все свое внимание сосредоточивали на экономической стороне жизни, вследствие чего иногда они сливались с марксистами. Экономическая сторона жизни, конечно, самая важная, но все же не единственная. Человек приходит в сей мир не только для того, чтобы отправлять свои физические потребности, подобно животному, но и для того, чтобы упражнять и развивать свой

БЕГСТВО ОТ ВЛАСТИ

"Анархический характер русского народа, способствовал захвату власти большевиками..." — Это наиболее откровенное мнение тех кругов русской эмиграции, которые "борясь" с большевистской диктатурой, страстно желают утвердить диктатуру с "помазанником" или без помазничества... Правда, об анархизме русского народа больше говорят в своем тесном партийном кругу. Публично же больше говорят о русском "народе-богоносце," забывая, конечно то, что они этого "богоносца" недавно беспощадно эксплоатировали.

Конечно, правы те, кто в своем домашнем кругу говорит об анархизме русского народа, ибо и весь октябрьский переворот произошел под лозунгами Бакунина, а не Маркса, да и сам Ленин в своем захвате власти больше походил на Нечаева, чем на Энгельса...

Кроме злободневного лозунга — "штыки в землю," главного козыря большевиков, русский народ, главным образом крестьянство, искренне поверил в лозунг — "вся власть на местах" Это была исконная мечта — жить по своему, без указки далекой и чуждой власти...

И несмотря на интернациональную и прочую марксистскую схему большевиков, русская деревня принялась жить "по своему," — быстро организовала сельсоветы и прочие административные органы, послав туда своих людей... Даже рабочие на первых порах поверили, что именно, они являются хозяевами фабрик и заводов . . . Разочарование, однако, наступило скоро. Рабочие стали голодать, в результате начавшейся гражданской войны и губительной политики большевиков, а крестьяне очутились на положении даровых кормильцев города. Большевики посеяли и ту трагическую рознь и вражду между рабочими и крестьянами, которая началась с первого года "октября." Эту рознь и вражду затем уничтожил Сталин своим равенством в рабстве...

Рабочие, чтобы не умереть с голода, направились в деревню за хлебом, снабженные мандатами от сов-власти, крестьяне встретитли их дрекольем и отрядами "зеленых банд."

В течении всей русской истории русский народ бежал от власти... Бежал к казацкой вольнице, на Дон, Терек, Урал, заселял непроходимые дебри таежной Сибири. В своем бегстве от власти русский народ достиг Тихого океана, и даже бежал в иноверные ему страны, в Литву, Польшу, в Туречину...

Не даром эссеровский лозунг — "Земля и Воля" так привлек крестьянские сердца... Крестьяне понимали этот лозунг эсеровгосударственников по своему: Земля трудящимся на ней, Воля — это жить без всякого вмешательства со стороны власти... Конечно, это не был чистый анархизм, вычитанный крестьянином из книжек. Крестьяне соглашались нести тяготы государственной власти, готовы были платить налоги (не обеднеем), но желали строить свою жизнь по своему.

Это инстинктивное и традиционное недоверие к власти русского народа оправдалось большевистским режимом, который развеял последние симпатии народа к государственной власти.

Анархические, или безвластнические, назовите как хотите — настроения среди народа расширяются все больше, хотя и

ум. Слова, сказанные Декартом: "я мыслю, следовательно, существую," все больше и больше импонируют современным анархистам. Не только создавать материальные ценности (участвовать в производстве), но и мыслить должен человек.

Тренирование интеллекта так же важно, как и тренирование мускулов. Не нужно быть религиозным, чтобы согласиться, что "Не единым хлебом жив человек." Помимо материальных запросов, у человека должны быть и духовные запросы. И чем шире духовные запросы, тем меньше опасности от отсутствия тех или иных материальных удобств. Форд, несомненно, не мог бы жить в таких условиях, в каких жил Сократ, ибо у Форда преобладали материальные запросы, а у Сократа — духовные. Человечество должно больше копировать Сократа, а не Форда. Интелликтуальные богатства должны считаться выше материальных.

Дж. Остергард

подспудно. Особенно это заметно среди городского и крестьянского интеллигентного молодняка. Мечтают и говорят уже не о том, чтобы на место сов-ласти поставить более демократическую власть, а просто отвергают любую власть... Это вполне естественно. Ведь крестьяне и рабочие работают только на государство, только государство единственный хозяин не только продуктов их труда, но и их жизни... При таком настроении, трудно ожидать симпатий к государству, к власти...

Этот анархизм русского народа известен и русской эмиграции, правому и левому сектору. И каждый из них реагирует на это по своему.

Правые — просто списывают анархизм русского народа тем, что надеются новыми ежевыми рукавицами скрутить народ, дав ему кость в виде "частной собственности" и свободную веру в Бога... больше ничего... Сторонники монархии верят, — что дать народу только хлеб и церковь, а власть народа интересовать не будет.

Левые идут дальше, — не только хлеб и церковь, но и гражданские свободы, участие народа в законодательной жизни...

Но государство и сильное государство должно остаться... Конечно, если выбирать меньшее зло, то программа левых более приемлема, но... Но если какая то часть народа отвергнет государственную власть, захочет строить свою жизнь без вмешательства власти, что тогда... Картельные отряды... Повторение 19-го и 20-го года, с артиллерийской стрельбой по селам, с разгромом деревень, с увозом заложников, с порками и расстрелами...

Если мы живем в ожидании будущих событий в России, если мы верим и знаем, что режим большевиков падет (не важно от каких причин), мы обязаны приготовиться и к безвластническому настроению народа... Пусть с радости от падения совстроя большая часть народа удовлетворится новой, более гуманной властью, но как быть с меньшинством, которое откажется повиноваться всякой власти...

Навряд ли, любая власть, даже наиболее радикальная, демократическая, захочет оставить в покое... анархистов... Куда их деть?.. Оставить на месте, соблазн для других, выселить, но куда?..

И возможно, останется для таких противников власти единствтенный путь — Воркута или Магадан... Благо оттуда будут освобождены нынешние пленники совласти...

Но можно-ли будет назвать тогда Россию свободною страной?

Мих. Фомичев

Суд Земли
(С французского)

Человек.
О мать земля! Прими меня!
Ведь умер я... Страдал я, умирая,
Но жил роскошно, бедных угнетая!
Я даже вором был: — я грабил бедняка.

Земля.
О, бедное дитя мое, не бойся:
Забыто все. В моих объятьях успокойся!

Человек.
О мать земля! Прими меня!
Грешил я много, — раб своих страстей;
Предела не было всей низости моей.
Я лгал, мошенничал, детей я обирал...
Давил бессильных, сильным помогал...

Земля.
О, бедное дитя мое, не бойся:
Забыто все. В моих объятьях успокойся!

Человек.
О мать земля! Прими меня!
Я, слабых знанием, злой ложью ослеплял,
Я, слабых волею, с пути добра сбивал,
Я делал зло для зла. Чужим страданьем наслаждался
Всецело личной жизни отдавался.

Земля.
О, бедное дитя мое, не бойся:
Забыто все. В моих объятьях успокойся!

Человек.
О мать земля! Прими меня!
Ты хлеб даешь людям; цветами ты покрыта,
Слезами пахарей облита...
Мне страшно говорить: убийцею я был,
И много душ за деньги погубил.

Земля.
О, бедное дитя мое, не бойся:
Забыто все. В моих объятьях успокойся!

Человек.
О мать земля! Прими меня!
Мне больно, страшно говорить,
Хоть велика твоя любовь...
Но мне пришлось... народу изменить:
Служа богатым, я деньги брал за кровь...

Земля.
Прочь от меня! В объятьях матери-земли
Предателю нет места! Уходи!

А. А. КАРЕЛИН

КОММУНИСТЫ БЕЗ КОММУНИЗМА

Так как большевики называют себя коммунистами и так как их партия именуется коммунистической, то вполне естественно спросить: какой же коммунизм создают эти коммунисты? А что они создают коммунизм — об этом они твердят на каждом шагу.

Основа коммунизма — земледелие. Человеку прежде всего нужна пища, а пищу дает земля. Поэтому вполне понятно почему люди, мечтавшие жить коммуной, начиная от первых христиан и кончая Р. Оуэном, селились на земле. Вполне также понятно, что для того, чтобы найти ответ на поставленный выше вопрос—какой коммунизм создают большевики — нужно обратиться к колхозному быту.

Колхоз в переводе на обыкновенный язык означает — коллективное хозяйство. Название вполне почтенное и как будто подтверждающее официальное наименование большевиков — (коммунисты). Но... дело в том, что все большевистские названия — лишь ярлык, лишь оболочка, не согласующаяся с содержанием. Рабство по-большевистски именуется свободой, нужда — довольством, принуждение — добровольным соглашением и т. д. То же самое получилось и с коллективным хозяйством. На бумаге — коллективное хозяйство, а в действительности — никакого коллективного хозяйства нет.

Было бы напрасной тратой сил и времени, если бы мы стали искать точную картину современного русского деревенского быта в официальных донесениях и постановлениях. Все большевистские официальные донесения — пускание пыли в глаза. Приходится, поэтому, для уяснения поставленного нами вопроса обратиться к давно испытанному средству — к литературе.

П. Кропоткин в предисловии к своей книге: "Идеалы и действительность в русской литературе" говорит, что... "русская изящная литература... касается всех... социальных и политических вопросов..." "А потому, продолжает Кропоткин, всякому, желающему ознакомиться с политическими, экономическими и социальными идеалами России... приходится обращаться не к официальным изданиям и не к передовым статьям газет, а к произведениям русского искусства."

Конечно, было бы большим кощунством сравнивать нынешнюю русскую литературу с литературой времен Тургенева или же Толстого. Но все же... всякая литература должна быть в какой то мере литературой, т. е. отражением, как в зеркале, действительности. Есть это отражение и в сов. литературе. Насколько оно верно — другой вопрос, но оно есть. Сов. писатель, как и всякий писатель, должен говорить образами...

Книга Николая Вирты "Крутые горы" представляет в этом отношении исключительный интерес. Вирта прожил, по его словам, среди сельских тружеников четыре года, ко всему присмотрелся, все узнал и нарисовал точный образ колхозного быта.

Вирта, как и каждый советский писатель, делит общество на два лагеря: на лагерь совершенных и лагерь несовершенных. (Получается нечто вроде легендарного Ноевого ковчега, где были чистые пары и пары нечистые.) К первому он относит всех обладателей партийного билета, а ко второму всех беспартийных. Бывают, конечно, и исключения. В лагере совершенных иногда тоже окажется овца, портящая все стадо, но ее, по образному выражению Хрущева, быстро хватают за хвост и выбрасывают вон из стады. Случится иногда, что и среди беспартийных найдется человек, достойный подражания. Но все это — лишь исключения. В общем же "чистые" — члены партии, а "нечистые" — беспартийная масса.

Если поверить Вирте, то русские крестьяне, как элемент в большинстве своем беспартийный, самые беспомощные, самые бездарные, самые нерадивые и, конечно, самые ленивые люди на земле. Во всех тех случаях, где судьба колхозного хозяйства зависит главным образом от крестьян, колхозное дело отцветает нерасцветши. Колхозы завядают и отмирают быстрее, чем цветы осенью... К счастию (по крайней мере в описании Витры) среди необозримого моря колхозного населения, во всех областных и районных центрах, сидят люди, зорко следящие за тем, что и как де-

лается в колхозах. Эти люди, как только заметят, что тот или иной колхоз отстает, немедленно же устремляются туда (как береговая стража, заметившая, что среди купающихся кто-то тонет), передают все дела колхоза в руки одному из самых "совершенных," и за короткое время отстававший колхоз превращается в передовое хозяйство. Этим "спасением утопающих" заполнена значительная часть книги Вирты.

Но все это — между прочим. Речь об этом — если не обо всем, то об отдельных штрихах — будет впереди. Интересует нас сейчас не магическая палочка партийных, умеющих яко-бы из ничего делать все, а сама структура колхозов.

Зная, что такое коллективное или же коммунальное хозяйство, можно предположить, что колхозы состоят исключительно из тех, кто там трудится. Так оно, конечно, и должно быть. Да и сами большевики именно в таком свете представляют нам свои колхозы. В сущности, однако, это не так. В сущности население колхоза состоит из двух резко отчужденных групп: тех, кто работает и тех, кто управляет колхозами. Вирта имеет в виду последних. Это их он называет "славными сельскими тружениками." (Здесь мало вспомнить известную хвастливую муху, сидевшую у вола на рогах и твердившую: мы пахали... Хвастливая муха — святая невинность по сравнению с современными колхозными "мухами.")

Колхозная администрация, как и всякая советская администрация, — громоздкая, неуклюжая и многоликая. Прежде всего— председатель колхоза. Затем — его заместители, счетоводы, агрономы, зоотехники, кладовщики, заведующие машинами и целая армия бригадиров. Все это — люди с партбилетами, составляющие то ядро, которое называется правлением колхоза. Помимо этой чисто хозяйственной администрации, есть администрация по линии идеологической. В каждом колхозе имеется партийная ячейка, секретарь которой играет такую же роль в жизни колхоза, как и его председатель. Члены партячейки заняты не столько "проработкой" тех или иных постановлений ЦИКа, сколько слежкой за тем, кто и как работает, кто и как себя ведет и т. д. Даже комсомол имеет какое то отношение к администрации колхоза, ибо корреспонденция какого-нибудь комсомольца в местной газете может привести к весьма чреватым последствиям.

На этом колхозная администрация, однако, не заканчивается. Все это лишь, как заявил писатель А. Яшин, — "рычаги," посредством которых кто-то направляет ход колхоза. Этот "кто-то" в колхозе не живет, а заседает в разных центрах, — районном, областном, краевом и т. д. Областной центр — нечто вроде прежнего губернского города. Там живет многочисленная областная бюрократия с целой армией разных служащих и прислуживающих. Здание обкома — лучшее в городе, а рестораны и парикмахерские, помещаются в этом здании — иногда под стать даже столичным подобным учреждениям. Секретарь обкома — то же самое, что когда то был губернатор. Даже больше, ибо губернатор имел в своих руках лишь политическую силу, но к хозяйственной части вверенной ему губернии не прикасался, секретарь же обкома решительно ко всему имеет касательство. Колхозы, входящие в его область, — фактически его колхозы. Он может смещать председателей колхозов, может приказать, что и как сеять, чего и сколько дать государству и т. д. Правда, над секретарем обкома есть высшая власть — столичная, но кто же осмелится доносить на своего прямого начальника? Да и кроме того — пока солнце взойдет, роса очи выест, — пока дойдет до столицы, приходится терпеть прихоти секретаря обкома. Действует секретарь обкома не только (и не столько) непосредственно из своего областного центра, но и посредством многочисленных районных секретарей, главарей партийных ячеек и т. п. "уполномоченных власти." Если бы можно было каким-либо чудом устроить в воздухе наблюдательный пункт, то взору представилась бы следующая картина. На обширных колхозных полях работают крестьяне — мужчины и женщины — подгоняемые и понукаемые бригадирами и звеньевыми, а по дорогам, прорезающим колхозные пространства в разных направлениях, бродят люди, к чему-то присматривающиеся, что-то взвешивающие, что-то записывающие... По способу их путешествия можно безошибочно судить об их удельном социальном весе. Самые низшие

(корреспонденты провинциальных газет, например), бродят пешком; кто повыше (председатели колхозов и т. п. должностные лица) — разъезжают верхом на лошадях или в тележках; кто еще выше (представители райкома) — шмыгают в "газиках" (дешевые автомобили); а самые высокие (представители обкома) — путешествуют в "Победах" (дорогие автомобили). Эти незванные посетители (они могут появиться в колхозе, даже не предупредив об этом председателя) и есть тот многоликий хозяин, которого именуют государством. От их мнения или же решения (не всех, конечно), зависит все: и судьба колхоза, и судьба колхозников. Они могут соединить несколько самостоятельных колхозов в одно целе, могут один колхоз разбить на несколько отдельных хозяйств, могут приказать в таком-то месте сеять кукурузу, а в таком-то — репу или капусту, могут снять колхозников с их насиженных мест и послать куда-нибудь на уборку урожая или на обработку целины. Одним словом, могут сделать, что захотят, ибо они — "уполномоченные власти." С "уполномоченным власти" шутки коротки: что он скажет, то и должно быть.

И вот эта пирамидальная структура, по большевистской терминологии — коллективные хозяйства. Если это коллектив, то и прежние помещичьи владения крепостнических времен тоже можно назвать коллективами. Там тоже люди работали коллективно, подгоняемые бригадирами того времени.

Хочется обратить внимание на одну деталь, часто упоминающуюся в книге Вирты. Секретарь обкома, как и подобает важному лицу, часто вызывает на доклад своих подчиненных: секретарей райкома или же председателей колхозов. Вызванные на доклад, как и секретарь обкома, — марксисты, поклонники одного и того же истукана, носители одной и той же идеи. Казалось бы, что они — товарищи, люди равные. Ничего подобного... Описанные Виртой сценки докладов ничем не отличаются от известных нам из солдатского быта "распекаловок" — когда какой-нубудь неврастенник офицеришка смешивал с грязью несчастного денщика, не смевшего даже слова произнести в свое оправдание. Вот на положении этих денщиков оказываются иногда мелкие большевистские сошки, вылетающие, по словам Вирты, словно пробки из бутылки, из кабинета секретаря обкома после доклада. Только пот струится с их раскрасневшихся лиц... Жалеть этих мелких сошек, конечно, никто не станет, но характерно тут вот что: если подобные "пришибеевские" отношения существуют между членами партии, то какие же отношения должны существовать между партийными и беспартийными? Если секретарь райкома (женщина) может публично в присутствии других называть председателя колхоза сукиным сыном (об этом пишет Вирта на стр. 87), то как же этот зазнавшийся секретарь райкома, этот тартюф в юбке, может назвать простолюдина?

И вот на подобных отношениях человека к человеку строится, говорят нам, коммунизм. Издевательство над великим идеалом — и больше ничего... Коммунисты, насколько нам известно, живут как братья; они равные, равноправные, равноценные; у большевиков же человек высокого роста, но занимающий низкую ступень на иерархической лестнице, не осмелится даже сказать своему начальнику, маленькому ростом: "я выше вас," как об этом замечает В. Дудинцев в своем романе "Не хлебом единым." Не осмелится, ибо это может быть истолковано как посягательство на власть, на авторитет.

Мы, однако, несколько отвлеклись от темы. Итак, колхоз состоит из работающих там и из управляющих. Первых, конечно, большинство, но подлинными хозяевами колхоза являются последние. Некоторые из них даже не живут в колхозе (заседают в разных центрах) и, по всей вероятности, понятия не имеют о сельском хозяйстве, но тем не менее они указывают тем, кто всю свою жизнь прожил, трудясь на земле, что и как делать. Неудивительно, что иногда получаются настоящие анекдоты: кукурузу сеют как только снег сойдет, а картошку — в мае месяце. (В книге Вирты говорится, что к сеянию кукурузы готовятся еще зимою. В Америке кукурузу сеют в северных штатах в конце мая.)

Правление колхоза ответственно только перед высшим начальством, но не перед колхозниками. Описанная Виртой процедура назначения председателя колхоза весьма

характерна. Матвей Иванович Хижняков (главное действующее лицо в книге Вирты) работал агрономом в одном из совхозов. Он "приглянулся" секретарю обкома и др. "уполномоченным власти." Хижнякова вызвали в обком и с места в карьер назначили председателем одного из отстающих колхозов. (Это назначение разбило семейную жизнь, ибо жена Хижнякова не захотела ехать в глушь.) Хижняков, как правоверный носитель партбилета, назначение принял. Приехав в колхоз, он начал действовать точно так же, как действуют в обкоме: самолично назначил всех подчиненных ему должностных лиц и принялся перекраивать все дела на свой лад. По замыслу автора книги, Хижняков — положительный герой. Из ничего он делает все. Даже если предположить, что он, действительно, большой кудесник, то все же его самочинство никак не вяжется ни с идеей коммунизма, ни с идеей коллективного хозяйства. Действует Хижняков точно так же, как когда то действовали помещики. Без спроса и поручений он едет в соседние колхозы, заключает по своему личному почину известные сделки, — что-то продает, что-то покупает... Одним словом — настоящий хозяин.

Впрочем, таковым его и считают. Вот сценка (стр. 320). Ранней весной по ухабистой дороге бултыхается "газик." В "газике" два седока и шофер. Седоки по поручению из центра едут "поднимать" какой то отстающий колхоз. Дорога шла лесом, потом выехали на простор.

— Чьи это поля? — обратился к шоферу один из седоков.

— Хижнякова, — ответил шофер.

Чем это не напоминает первых строк романа Тургенева "Отцы и дети," где приехавшему на летние каникулы из города в деревню молодому Аркадию Кирсанову отец по дороге с вокзала говорит:

— А вот это пошли уже наши поля, Аркаша.

В общем при чтении книги Вирты невольно вспоминаются многие произведения прежних русских писателей, где описывается помещичья жизнь. Как прежние помещики, так теперешние председателя колхозов, только и думают, чтобы "хвастнуть" чем-нибудь перед соседом в смысле усовершенствования хозяйства. Усовершенствование хозяйства, конечно, дело хорошее, но оно хорошее только тогда, когда производится с хорошей целью. У теперешних же руководителей колхозов цель одна: дать как можно больше государству. Цель чисто эксплоататорская.

Здесь следует отметить одну особенность сов. литературы, а именно: чем она отличается от остальной литературы. Обычно все драмы и трагедии строятся на отношении **человека к человеку.** Влюбляются люди или ненавидят друг друга — вот и "завязка." В советской же литературе в центре внимания стоит не отношение человека к человеку, а отношение **человека к делу.** Если человек относится к делу с энтузиазмом, рьяно, то он будет положительным типом, независимо от его характера или же отношений к другим людям. Этого шаблона, конечно, придерживается и Вирта, вследствие чего его герои (положительные, ибо об отрицательных и говорить нечего), как и большинство героев других сов. писателей — черствые, жестокие и бессердечные. Нужды и заботы колхозников их нисколько не интересуют. Интересуются они исключительно поднятием хозяйства, даже если это поднятие идет в разрез с интересами некоторых отдельных жителей колхоза. (Проект сооружения дамбы для постройки электрической станции, например, грозит затоплением низины, где расположены избы некоторых колхозников, но проект этот, несомненно, будет осуществлен, ибо он будет способствовать поднятию хозяйства. Что из того, что пострадают отдельные жители, зато хозяйство в целом выиграет.) Правда, Хижняков утверждает, что когда хозяйство будет поднято на должную высоту, то населению колхоза откроется лучшая жизнь. Но, во-первых, это делается для отвода глаз, а во-вторых, уж слишком это напоминает посулы радостной потусторонней жизни: потерпите, дескать, сейчас, зато на том свете будете блаженствовать.

Пренебрежительное отношение к интересам отдельных личностей вызывает такое же пренебрежительное отношение со стороны этих отдельных личностей к общему делу, т. е. к колхозу. Повидимому, Вирта недалек от истины, когда он утверждает, что в тех случаях, когда судьба колхоза зависит от самых колхозников —

дело неизменно хиреет. Но почему оно хиреет — этого Вирта не досказывает. А хиреет оно не от того, что русские крестьяне бездарны или же нерадивы, как это многие могут заключить, а от того, что интересы крестьян не совпадают с интересами администрации колхозов. Вот где, как говорится, зарыта собака. Администрация игнорирует интересы колхозников, а колхозники игнорируют интересы администрации. Эта пассивная война и является той палкой в колесах, которая мешает развитию сельского хозяйства в его теперешнем виде.

Косвенно это же подтверждает сам Вирта. Он неоднократно указывает, что на своих приусадебных участках крестьяне делают настоящие чудеса: выращивают овощей столько, что их хватает не только для себя на всю зиму, но еще и на рынок можно вывозить. Коровы, принадлежащие отдельным колхозникам, тоже заметно отличаются от коров, принадлежащих колхозу: и молока дают больше, и на вид приличнее. Указывает Вирта на это, конечно, с той целью, чтоб посрамить "кулацкий" дух, все еще яко-бы тлеющий в сердцах некоторых колхозников. Но фактически дело тут не в "кулацком" духе, а в интересе крестьян к делу. Если бы крестьяне были заинтересованы колхозом в такой степени, в какой они заинтересованы своими приусадебными участками, то не нужно было бы посылать из центров разных дармоедов на "поднятие" хозяйства. Крестьяне сами подняли бы колхозное дело до высот Арарата. Если возможны чудеса на крошечных приусадебных участках при обработке их примитивными способами (по словам Вирты, колхозницы-крестьянки уже в марте месяце везут на базар редиску, огурцы и др. свежевыращенные овощи), то тем более возможны такие же чудеса на обширных полях при обработке их усовершенствованными способами.

Как не чужд дух товарищества и артели ремесленным рабочим, так не чужд дух коллективности и общности крестьянам. Сельское хозяйство по самой своей природе (особенно русские деревни) связано с коммунальным образом жизни. Но большевики эту связь разрушили. Для коммунальной жизни нужна земля. Большевики же землю у крестьян забрали, создали из нее государственные поместья, а крестьян превратили в батраков, и хотят, чтобы эти ограбленные ими люди (насколько известно, большевики крестьянам за землю ни копейки не дали) интересовались колхозами. Одним словом, сделали то, что отдаляет, а не приближает крестьян к комунальной жизни. Теперешние жители колхоза — не прежние общинники-крестьяне, а обыкновенный сельско-хозяйственный пролетарит. Они получают за свой труд заработную плату (очень жалкую), а кто получает заработную плату, тот пролетарий.

Итак, большевики, именующие себе коммунистами, создают не коммунизм, а своеобразную барщину. Они возрождают прежнее крепостничество. Даже если юридически это новое крепостничество отличается чем-либо от прежнего (пока еще нет розог и конюшни), то фктически разницы почти никакой нет. Как и прежде, крестьяне работают на чужой, а не на своей земле; как и прежде, планы ведения хозяйства создаются не крестьянами, а кем-то стоящим над крестьянами (новые баре); как и прежде, урожай идет не в пользу крестьян, а в пользу того, кто владеет колхозами (в пользу государства); как и прежде, новыми имениями распоряжаются новые управляющие, дающие отчет лишь своему хозяину — высшему начальству — но не крестьянам...

Вполне понятно почему то, что когда то писали Гоголь, Тургенев и др. писатели о помещиках, воскресает в памяти при чтении таких книг, как "Крутые горы" Н. Вирты.

Гр. Е—ий

...Теперь Россию никто не знает: ни европейцы, ни русские, потому что Россия молчит; молчит же она не оттого, чтоб ей нечего было сказать, а только потому, что и язык и все движенья её связаны. Пусть она воспрянет и заговорит, и тогда мы узнаем и что она думает, и чего она хочет: она сама покажет нам, какие формы и какие учреждения ей нужны...

...Любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притесненью, еще более когда оно падало на других, чем на меня самого. Искать своего собственного достоинства в достоинстве всех меня окружающих, быть свободным в свободе других, — вот вся моя вера, стремленье всей моей жизни. Я считал священным долгом восставать против всякого притесненья, откуда бы оно не происходило и на кого бы не падало.

МИХАИЛ БАКУНИН

КОММУНИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ

Коммунизм и большевизм — два разных понятия, не имеющие между собой ничего общего.

Разберемся в этом по существу. Сначала о коммунизме. Его учение и применение доктрин к жизни имеют за собой историческую давность.

Проф. Виппер в книге "Коммунизм и культура" касается первобытного коммунизма в глубокой древности у Перуанских инков.

Правда, этот коммунизм был в своем роде своеобразным и отличительно-характерная его особенность заключалась в том, что общество делилось на две группы: на работо-исполнителей и работодателей. Последние, по своему положению, являлись привилегированной кастой, но зато на них лежала вся забота о существовании и пропитании первых.

Не менее своеобразной являлась и коммуна, существовавшая с 1602 по 1768 год, известная в истории под именем Парагвайской общины, где, в отличие от инков, заботу об отдельных членах брала на себя община.

Словом, у инков — работодатели и у парагвайцев — община в целом выполняли функции, равнозначущие государственному капитализму в теперешнем Советском Союзе. По существу же разницы во всех этих случаях нет никакой.

При этом необходимо отметить, что на протяжении всей мировой истории существует только два периода, так называемого, революционного коммунизма: первый в конце греко-римской эпохи, второй в наше время в России.

Остановим внимание на современном коммунизме и коснемся вопроса — какой он есть и каким бы он должен быть.

Основанный на отчужденности одного индивидуума от другого, на отсутствии равноправия и вольности, а также на подавлении личности, а значит на насилии, и в довершение всего — основанный на неравномерном распределении благ, современный коммунизм не имеет права и не должен по существу называться коммунизмом, ибо он по своей структуре парадокс и мистификация чистой идеи истинного коммунизма.

Коммунизм должен покоиться на тесном братстве, совершенном равенственном отношении, позволительности проявления личной инициативы, полной свободе каждого и равномерном распределении благ, без исключения, среди всех членов общества.

Кстати сказать, что при таком положении коммунизм имел бы много общего с анархизмом, так как чистота той или другой идеи заставляет думать об их родстве.

Тут напрашивается вопрос: почему же современные коммунисты взяли курс на принуждение и насилие? А очень просто: дорвавшись до власти, правители почувствовали себя близ народного пирога совсем не плохо и всеми правдами и неправдами начали цепляться за власть.

По этой то причине до сих пор держится затеянная под маркой "диктатуры пролетариата" — диктатура над пролетариатом.

При ином положении члены этой "коммуны" просто на просто не пожелали бы оставаться в ней, но так как при современном коммунизме личность подавлена, то ясно, что желать строго на строго запрещено.

Теперь о большевизме. Большевизм не учение, не догматы, не программа. Это в своем роде оппортунистическое в "коммунизме" течение с тактикой безграничного насилия.

Взяв в основу своего существования противодействие и начертав лозунг "цель оправдывает средства," большевики избрали своеобразный путь по которому и идут до сих пор.

У выявленного насилия скоро появились союзники: ложь, обман, хитрость, лесть и, наконец, запугивание.

Все вместе взятые средства дали возможность большевикам держать в ежовых рукавицах массы и руководить этими массами так, как угодно вождям партии.

Каков же современный большевизм и каким бы он мог быть?

По отзывам живущих в Советском Союзе людей, большевики, говоря словами Герцена, "Чингис-ханы с телеграфами."

По словам иностранных корреспондентов, в СССР повторение средневековья.

НЕСТОР МАХНО И ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

От Редакции: Несмотря на то, что в защиту Н. Махно неоднократно писалось на страницах "Дело Труда-Пробуждение," мы сочли нужным дать место статье т. Липоткина, касающейся этого же вопроса. Делаем это мы больше всего с той целью, чтобы подчеркнуть, что объективной критики анархистов и анархизма — нет. Даже в словарях, где корректность и беспристрастие, казалось бы, должны быть на первом месте, даже там вместо критики—клевета. Что же говорить об обыкновенных периоидических изданиях? Там если не клевета, то ругань или же измышления, превосходящие пределы человеческой фантазии.

Среди современных социальных движений махновское движение 1918-1921 гг. на Украине занимает особое место. Это глубоко народное революционное движение не укладывается в партийные рамки государственных социалистов и его нельзя рассматривать с точки зрения той или иной политической партии. Не удивительно поэтому, что оно породило много противников и врагов не только среди капиталистов и властителей, но и среди многих социалистов и радикалов, продолжающих по сей день клеветать на это движение и на его организатора и руководителя — Нестора Махно, обвиняя последнего даже в контрреволюции, антисемитизме и еврейских погромах. Эти враги, очевидно, никогда не простят Махно и махновцие "великого греха" — их активной борьбы с помещичьим гнётом за вольную жизнь трудового крестьянства.

За последние 35 лет со времени ликвидации махновского движения буржуазная печать, равно как социалистисты и большевики, не перестают поносить и грязнить это движение и его вдохновителя Н. Махно, дискредитируя при этом его веру в анархизм. В их изданиях часто появляются выпады против махновского движения вымышленного и ложного характера. Одним из последних выпадов надо считать недавно появившееся в Энциклопедическом Словаре Ф. Павленкова (новое издание—март 1956 г.) "объяснение" слова "махновцы." Автор, между прочим, пишет так:

> "Махновцы — так называлась в 1920 г. на Украине весьма обширная ветвь крестьянского движения, боровшегося как с красной, так и с белой армией. Отряды махновцев действовали в Екатеринославской и Харьковской губерниях. Одно время им удалось захватить ряд городов и местечек; набеги махновцев сопровождались жестокими еврейскими погромами."

В этом "объяснении," однако, нигде не указывается **где, когда** и **почему** произошли еврейские погромы со стороны махновцев. Такое объяснение звучит голословно, ибо не подтверждается фактами. Сомнительно даже, чтобы автор мог указать факты. Он попугайски повторяет давно известные ложные сведения, почерпнутые им из буржуазных и большевистских источников. Многие данные и факты из жизни и борьбы Нестора Махно и из подлинной истории махновского движения, наоборот, показывают, что Махно и махновцы не только словесно, но на деле боролись с антисемитами и погромщиками.

Жизнь Н. Махно протекала в обстановке лишений, нужды и тяжелого труда. 12-летним мальчиком он вынужден был работать сначала батраком у помещиков,

---

А человек религиозный, только что переваливший границу, сказал: "Если бы Бог был с большевиками, то я восстал бы и против Бога."

Впрочем мнения отдельных лиц тонут в потрясающих известиях о ежегодном терроре над лицами разных классов и положений.*

Так или иначе, но у общественного пирога притулилось все властолюбивое, низменное и прожорливое и, упиваясь победой над народом, правит "шабаш."

Каким, однако, иначе мог бы быть большевизм? Только таким, другим он быть не может, т. к. по своей структуре ему свойственно исключительное насилие.

Итак, подлинный коммунизм — миротворен, большевизм — насилен, коммунизм — справедлив, большевизм — бесчестен. Коммунизм базируется на переизбытке моральных и материальных ценностей; большевизм — на недостатке и, наконец, коммунизм покоится на безграничной свободе, а большевизм — на средневековой неволе.

Разница, как видно, громадная.

Алексей Николаев

* Эта статья была написана еще при жизни Сталина.—РЕД.

а затем литейщиком на механическом заводе. Он многое видел и выстрадал, горько убеждаясь в жестокой несправедливости, разделяющей людей на рабочих и капиталистов, богатых и бедных, господ и рабов. В нем рано начали пробуждаться чувства справедливости к своим братьям — рабочим и ненависть к хозяевам — эксплоататорам. Его революционные убеждения складывались постепенно, шаг за шагом. Наступившие в России революционные события 1905-1906 годов оказали на него огромное влияние. Он стал ближе знакомиться с программами и стремлениями политических партий и, разобравшись в них, решительно примкнул к анархистам, в рядах которых принимал активное участие, не раз рискуя своей свободой и жизнью.

За участие в террористическом акте Махно в 1908 году был арестован и присужден военно-полевым судом к смертной казни, замененной, в виду его несовершеннолетия, бессрочной каторгой. Жизнь в каторжной тюрьме была для него тяжелым, подчас невыносимым мучением. Он много раз наказывался тюремным начальством за свой упорный характер и за неоднократные протесты против жестокого обращения начальства с политическими заключенными и не раз отсиживал в карцерах, где и надломил свое здоровье. Но несмотря на тяжелые физические страдания, он старался использовать свое пребывание в тюрьме в целях дальнейшего самообразования, уделяя много времени на изучение любимых предметов истории и политической экономии. И пробыв в заточении около 9 лет, он был освобожден вскоре после февральской революции 1917 г.

Выйдя на свободу, Н. Махно все свои силы посвящает делу организации трудового крестьянства. Способный организатор, страстный агитатор и убежденный анархист, он скоро становится во главе революционного партизанского движения на Украине, где в короткое время организовывает армию из 60,000 крестьян. Эта армия боролась в бурный, революционный период 1918-21 гг. как против помещичьего гнета и австро-германской оккупации, так и против диктатуры большевистской партии — за вольные коммуны, за полное самоуправление трудящихся на местах. С целью усиленной борьбы с контрреволюцией Махно и его партизанские отряды в начале 1918 г. объединили свои силы с красноармейцами и совместно боролись против Врангеля, Деникина и Петлюры. Но эти объединенные действия долго не продолжались. Укрепившись в своей власти, большевистские "красные" генералы изменническим образом расторгнули заключенный с махновцами военный договор, чем и вынудили их повести самостоятельную борьбу и против "красной армии" большевиков и против "белых армий" черносотенных генералов. Этого большевики и белогвардейцы не могли простить махновцам. И с целью очернить и дискредитировать их, они начали обвинять их в антисемитизме и еврейских погромах.

Некоторые продажные писаки из большевистского лагеря стараются отождествлять махновщину с петлюровщиной и находять якобы присущие этим движениям сходные черты. Но давно известно, что Петлюра представлял национально-реакционное движение украинской буржуазии, стремившейся посредством контр-революции укрепить свое экономическое и политическое господство. Махновщина же представляла революционное движение трудового крестьянства, стремившееся к уничтожению буржуазно-помещичьего гнета и установлению свободного строя жизни. Она решительно отрицала государственную власть и партийную диктатуру и боролась за свободное, независимое самоуправление трудового народа. В ее рядах было много анархистов.

Борясь за освобождение трудящихся, Н. Махно не делал различия между национальностями. В своих статьях и речах перед массой он не раз подчеркивал, что рассматривает капиталистов, властителей и других угнетателей с точки зрения классовых врагов народа и их национальная принадлежность не имеет для него значения. Он глубоко верил, что национальный вопрос угнетенных народов легко разрешится с их социальным освобождением, т. е. освобождением труда от капитала и власти. И он был убежден, что только коренная, социальная революция сможет обеспечить полное освобождение всех угнетенных национальностей.

Уже с первых дней своего зарождения махновское движение сплотило деревенскую бедноту многих национальностей Александровского, Бердянского и Мариупольского районов. В этих местах были многочисленные земледельческие колонии украинцев, евреев, греков и бедняков иных национальностей. Почти все еврейские колонии находились в постоянной связи с Нестором Махно и другими руководителями махновского движения. Состоя из бедной части трудового крестьянства, это движение было объединено единством идей и стремлений к лучшей, свободной жизни. Оно было проникнуто духом братства и уважения ко всем национальностям и в его истории не было ни одного момента, когда бы оно опиралось на национальные или религиозные предрассудки.

В армии махновцев немалую роль играли некоторые еврейские революционеры и анархисты. В ней имелась даже особая артиллерийская бригада, обслуживавшаяся одними евреями артиллеристами. Эта батарея, под руководством еврея-махновца Шнейдера, героически обороняла район Гуляй-Поля от наступавшей в июне 1919 г. многочисленной армии Деникина. Сражаясь до последнего снаряда, она вся погибла в неравной борьбе с жестоким врагом. В феврале того же года, в виду распространившихся случаев антисемитских нападений со стороны черносотенных элементов, Н. Махно предложил всем еврейским колониям организовать вооруженную самооборону и выдал для этой цели необходимое оружие. Одновременно с этим он организовал по всему району ряд митингов, на которых призывал всех рабочих и крестьян к борьбе с антисемитизмом и погромами.

Давно установлено, что антисемитизм в России и на Украине проявлялся не как результат народной ненависти, а как наследие реакционного прошлого. Если даже допустить, что в широко разлившемся махновском движении были отдельные лица с антиеврейскими настроениями, то они не были опасны и не имели никакого значения в целом движении.

Махновцы всегда восставали против антисемитов и погромщиков. Весной 1919 г. культурный отдел армии махновцев выпустил и распространил в большом количестве экземпляров воззвание "К рабочим, крестьянам и повстанцам," из которого я приведу краткие выдержки:

> "В тяжелые дни реакции, когда положение крестьян на Украине было безвыходным, вы первые восстали, как бесстрашные борцы за великое дело освобождения трудящихся без различия национальностей. Это был самый радостный момент в истории нашей революции. Вы хорошо знаете, что в страшной пропасти бедноты прозябают одинаково рабочие всех национальностей: и русские, и евреи, и поляки, и немцы, и армяне и т. д. Вы также знаете, как много искренних еврейских революционеров погибло за свободу в России в течение всего нашего освободительного движения. Революция и честь трудящихся обязывают нас крикнуть громко, так, чтобы содрогнулись все темные силы реакции, о том, что мы ведем борьбу с одним общим врагом — с капиталом и властью, одинаково угнетающими тружеников: русских, поляков, евреев, украинцев и т. д. Нашими эксплоататорами и поработителями являются и русский фабрикант, и немецкий заводчик, и еврейский банкир, и польский помещик. С ними мы должны бороться. Но наш революционный долг — пресечь в корне всякую национальную травлю и беспощадно расправляться с виновниками еврейских погромов."

Обвинения Н. Махно и махновцев в антисемитизме и причастности к еврейским погромам, понятно, ложны и не основаны на фактах. Помимо вышесказанного, они легко опровергаются как личным участием многих еврейских анархистов и революционеров в махновской армии, так и целым рядом видных свидетелей, так или иначе соприкасавшихся с махновским движением, как Аршинов, Волин, Шварцбард, еврейский историк Чириковер и др., удостоверивших, что Нестор Махно, как идейный и морально воспитанный анархист, всегда боролся против разных антисемитов и угнетателей за правое дело трудового народа. К этим именам надо прибавить П. Кропоткина, который в июне 1919 г. в письме к П. Аршинову между прочим, писал:

> "Передайте от меня ТОВАРИЩУ НЕСТОРУ МАХНО (мой курсив—Л.Л.), чтобы он берег себя, потому что таких людей, как он, в России немного."

Объективно установив историческую правду о махновщине, можно смело сказать, что ее героическая эпопея навсегда останется ярким светочем на пути освобождения угнетенных народов России от диктатуры и власти.

Л. Липоткин

ХРИСТИАНСТВО И КАПИТАЛИЗМ

Христианство и капитализм в действительности так тесно переплелись между собою, что трудно одно представить без другого. Говоря о капитализме, неизбежно в нашем воображении встают индустриальные центры, т. е. большие города. Представить же современный европейский или американский большой город без церквей и соборов так же невозможно, как невозможно представить весну без цветов. Почти все выдающиеся представители капитализма (миллионеры) — христиане и почти все выдающиеся представители христианства (главари церкви) — капиталисты. Папа римский, например, самый богатый человек в мире...

Так это наблюдается в действительности, но этого по настоящему не должно было бы быть. Если хорошенько задуматься, то не трудно убедиться, что христианство и капитализм — антиподы. Основателями христианства, конечно, надо считать апостолов. До них никакого христианства на свете не существовало. Поэтому "Деяния Апостолов" для христиан должны быть тем же, чем является для большевиков "Коммунистический Манифест" К. Маркса. Это, так сказать, программа христианства. Что же говорится в "Деяниях Апостолов"? Говорится там то, что никак не совместимо ни с нынешним христианством, ни со всем укладом жизни теперешних передовых стран. Апостолы учили, что человек, желающий стать христианином, должен продать свое имение или же другую собственность и вырученные деньги внести в общую кассу.

Так оно и было. Первые христиане были коммунистами. У них не было частной собственности. Они не говорили: это "мое," а это "твое." Все, что у них было, считалось общим ("Деяния," 4:32). Не было среди них ни высших, ни низших, ни лучших, ни худших, ни бедных, ни богатых. Все были одинаковые, равные, как братья. Из общей сокровищницы каждый получал то, в чем он нуждался. Широко практиковался принцип **каждому по потребностям.**

Что же мы теперь наблюдаем среди христиан? Как раз обратное тому, чему учили апостолы и что практиковали первые христиане. Неравенство среди современных христиан бросается на каждом шагу. Вместо отказа от собственности каждый старается обзавестись ею. Делают это не только светские лица, но и церковь. Некоторые главари церкви очень богатые люди. Церковь владеет не только церковными зданиями, но во многих случаях и чисто коммерческими предприятиями.

Неравенство идет не только по линии экономической, но и по другим линиям. Кардинал, например, не чета епископу, а епископ — не чета священнику, а священник — простолюдину. И так без конца. Все — христиане, но не все одинаковы даже перед Богом. У одного столько всего имеется, что он мог бы прокормить целое государство, а у другого даже нечем пообедать. Один живет в роскошных палатах, а у другого даже сарая нет.

Подлинными христианами, как мне кажется, могут быть только анархисты, ибо у них нет ни табелей о рангах, ни частной собственности. Анархисты проповедуют то же самое, что проповедывали и практиковали первые христиане. Отличаются анархисты от христиан, быть может, только тем, что не создают себе кумира не только на земле, но и на небе. Но это расхождение гораздо меньше того расхождения, которое образовалось между христианством и капитализмом. Между этими двумя понятиями нет никаких точек соприкосновения. Капитализм — полная противоположность христианству. Фактическими безбожниками следует считать не анархистов, а капиталистов. Что общего есть между современным миллионером и тем христианином, который по совету апостолов продал свое имение и вырученные деньги внес в общую кассу? Ничего. Миллионеру гораздо труднее попасть в царство небесное, чем толстой веревке в ушко иголки, как об этом повествуется в евангелии. Тем не менее, каждый богатый капиталист хочет стать еще богаче. Пользуясь правами частной собственности, он эксплоатирует других людей — таких же христиан, как он. Первейшим безбожником, пожалуй, можно считать папу римского, ибо он самый богатый человек на земле. Живет этот наме-

стник Христа на земле в таких роскошных палатах, о которых Христу даже не снилось. И в то же самое время другие последователи Христа живут в ужасающей нищете. И не только живут, но еще вынуждены содержать все то, чем славится и блещет католическая церковь. Налоги у католиков по своей тяжести, пожалуй, не уступают налогам в СССР. Другие христианские религии мало чем отличаются от католической. Хотя строгостей там меньше, но неравенство везде есть. Везде есть богатые и бедные, знатные и челядь.

Нет, капитализм не вяжется с христианством. Там, где торжествуют принципы капитализма, — там нет места Христу. Христос не учил эксплоатировать других, капитализм же без эксплоатации немыслим.

С христианством произошло то же самое, что теперь происходит с коммунизмом в России. Как большевики извращают коммунизм, так капиталисты извратили христианство. Кажется, что это общая участь всех хороших идей. Все хорошие идеи загрязняются и коверкаются. Почему это делается — не трудно убедиться. Творить открыто какие-небудь пакости не каждый решится. Да и опасное это занятие. Но если прикрыться чем то возвышенным, то под прикрытием этого возвышенного можно что угодно делать. Многие даже не заметят, что делающий зло поступает плохо. Если капиталист, например, пожертвует на церковь несколько тысяч, то его считают примерным христианином и молятся за него. Никто даже и не подумает, что капиталист фактически пожертвовал не свои деньги, а те, которые он награбил у работающих на него людей.

В евангелии в нескольких местах говорится, что христианин не должен создавать богатств на земле, ибо и вор может подкопаться под них, и ржавчина может испортить их. Капиталист же только то и делает, что накопляет богатства. Делает это он разными способами: при помощи эксплоатации других людей, при помощи конкуренции и другими капиталистами, при помощи обмана, подделок и т. д. Для того же, чтобы воры не подкопались под его богатства, существует государство с огромной армией чиновников, ученых, солдат и полицейских. Служители церкви тоже, конечно, идут рука об руку с капиталистом, ибо и сами они капиталисты.

А имя того, кто основал христианство, произносится всуе...

К. Батриков

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАРХИЗМА

(Отрывок из статьи написанной в 30-х годах)

Говорить о текущих вопросах анархизма и о методах действия против властнического мышления в интернациональном масштабе, это по нашему мнению, говорить о вещах, о которых говорили уже многие товарищи за последние десять лет. Если бы анархисты совершили, хотя бы минимум того, что от них можно было ожидать, продолжать говорить об этом вопросе было бы не больше как простое упражнение без малейшего практического значения. Сам факт, что мы вновь вынуждены ставить этот вопрос, — наилучшее доказательство, что в нашем движении существуют определенные недостатки, которые ясно повсюду чувствуются, но истинные причины которых, как видно, пока еще не удалось выяснить.

Все, кто следил внимательно за анархическим движением в последние 15-20 лет, несомненно, не удивляются тому, что в различных случаях говорилось о "кризисе анархизма," как и не удивительно, что в анархической печати неоднократно утверждалось о необходимости пересмотра анархической мысли.

По нашему пониманию, вопрос сейчас идет меньше всего о пересмотре анархических идей, а о пересмотре общего поведения анархистов и их ежедневной практической активности. Самые возвышенные идеалы имеют значение лишь тогда, когда они вытекают из практического жизненного опыта и действуют на жизнь в обновляющем направлении. Там, где этого нет, неизбежно, получается сухой и безжизненный доктринаризм, прикрывающийся религиозными, политическими или социальными

догмами, которые, мало-по-малу задушивают духовную жизнь движения, так как оно замирает на пустых формулах и остается слепым к окружающим происшествиям социальной жизни. И, действительно, это есть то, мне кажется, что происходит в широких кругах социалистического движения вообще. Анархисты, в этом отношении, не являются исключением.

Совершенно бессмысленно претендовать, что политическая реклама может защищать какое-нибудь движение от этого положения.

Ведь анархист тоже — не больше как человек и как таковой так же может подвергнуться духовному истощению, как приверженец любой другой тенденции. Вопрос всегда состоит в том, проявляется-ли идея в каждом человеке как внутреннее происшествие, которое духовно воспламеняет все его жизненные проявления, или же, наоборот, она является не больше как словесное признание, выражающееся в некоторых типичных выражениях, но не оплодотворяющих внутреннюю сущность человека. Там, где происходит последнее, последствия, обыкновенно, всегда те же самые. Но и идеи, сначала имевшие обновительное влияние на человеческую душу, могут быть сведены, под влиянием привычек или из-за отсутствия практической активности в жизни, до пустой словесности, как это неоднократно уже доказала нам история.

Никогда, как теперь, я не был так глубоко духовно убежден в правильности и верности анархизма. Мировая война и ее ужасные последствия, революционные события России и центральной Европы; чудотворная вера в всемогущество диктатуры захватывающая широкие слои народов; зловещий рост националистической реакции в форме фашисткого движения, и другие явления тесно связанные с вышеупомянутыми, все больше и больше убеждали меня, что если развитие человечества будет продолжаться в этом направлении, то оно приведет нас к целым потокам крови и к духовному и материальному рабству.

Все, что для нашего поколения имело раньше только относительное теоретическое значение, с более или менее абстрактными перспективами, сегодня выявляется совершенно ясно настолько, что мы уже можем предвидеть все практические результаты этого положения, вплоть до его мельчайших последствий. Редко когда история открывала нам такие ясные возможности. Многие явления, которые мы считали давно похороненными в глубоком и темном варварстве прошлого, вновь угрожающе поднимают головы и не находят должного сопротивления. Производит впечатление, как если бы разсудок человечества был бы временно парализован и неспособен воспротивиться, должным образом, ужасным последствиям реакции, растущей все больше и больше во всех областях жизни.
с собою огрубение нравов и безпримерное презрение к человеческой жизни и свободе. Но это фатальное явление должно было бы быть еще одним мотивом больше, чтобы умножить нашу энергию и защищать и расширять нашу свободническую активность, которой угрожают теперь со всех сторон. К несчастью, очень мало что делается в этом направлении. А там, где что-либо делается, то изолированно и без надлежащей связи и продолжительности. Несмотря на всю революционную фразеологию нашего времени, мы не сумели приблизиться ни к свободе, ни к социализму. А скорей всего ушли от обоих на порядочное расстояние, и должны видет, хотя и с болью в сердце, как умножается и расширяется победоносная реакция.

А все таки, больше чем когда бы то ни было, мы думаем сегодня, что развитие нашей расы в направлении к свободе, к солидарности и к истинному человечеству, может придти только по пути анархизма. Всякий другой путь мне кажется окончательно непроходимым, так как он нас заведет, в лучшем случае, вновь обратно к лабиринту авторитарных идеологий и институций.

Рудольф Рокер

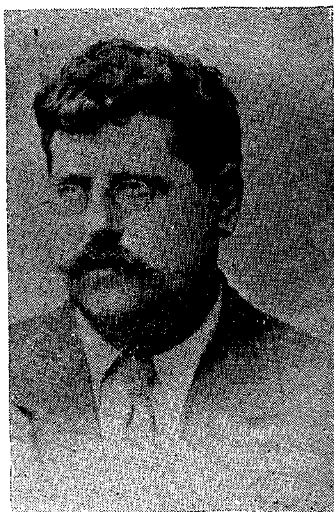

Мы верим, что будущее поколение придет путем социальной революции к Коммуне, положит конец гнусной эксплоатации буржуазией, освободит народы от опеки государства, откроет в эволюции человечества новую эру свободы, равенства и солидарности.

П. Кропоткин

РУДОЛЬФ РОКЕР

1873-1958

Рудоль Рокер

10 сентября 1958 г. умер от сердечного припадка всеми любимый и всеми уважаемый т. Рудольф Рокер. Несмотря на то, что Рокер дожил до глубокой старости (умер на 86 году) и несмотря на то, что он на своем продолжительном веку много сделал для анархического движения, но наш рассудок отказывается мириться с фактом смерти Рокера. Кажется, что такие люди не должны умирать... Со смертью Рокера закрылась последняя страница одного из лучших периодов анархического движения, — периода конца 19-го века. Рокер — последний из могикан (богатырей) этого славного периода, давшего и Беркмана, и Лабади, и Толстого, и Равашоля... Наступит ли когда-нибудь еще такой период?

Писать некролог о богатыре — трудная задача. Чтобы набросать хотя бы приблизительную картину жизни и деятельности Рокера, потребовалось бы несколько номеров нашего журнала. К тому же, для этого нужно обладать особыми природными дарованиями... Поэтому мы не без некоторого опасения беремся за перо и заранее знаем, что в написанном нами не будет и сотой доли того, что нужно написать.

Родился Рокер 25 марта 1873 года в Майнце (южная Германия) в семье рабочего. Его отец работал в типографии, где печатались музыкальные ноты. Возможно, что и Рудольф поступил бы туда же на работу, если бы его отец внезапно не умер. Рокеру было всего лишь 6 лет, когда он остался круглым сиротою. Забота о мальчике перешла в руки бабушки, постаравшейся поместить своего внука в католический дом для сирот. Там началось образование Рокера... Чему и как учат в католических учреждениях — всем известно. В своих воспоминаниях Рокер говорит, что католический сиротский дом произвел на него удручающее впечатление. Строгая дисциплина и суровые условия жизни породили в уме мальчика как раз противоположные желания — желания свободы и подлинного знания и света. Воздуха... — томился малолетний Рокер.

По выходе из сиротского дома Рокер продолжал еще некоторое время учиться в школе, а потом его отдали в переплетную мастерскую изучать переплетное ремесло. Здесь пришлось иметь дело с книгами... Переплетая книги, Рокер вместе с тем и читал их, вследствие чего ему открылись совершенно новые горизонты. Он узнал о многих науках и о том, что такое социальная борьба. К 16-ти лет молодой Рокер стал социалистом... Он проявил максимум энергии в этом казавшемся ему новом мире, но вскоре убедился, что социализм по строгости дисциплины ничем не отличается от католического сиротского дома: то же беспрекословное выполнение постановлений и ограничение действий в рамках программы. В то время в немецкой с-д партии возникла борьба между старыми и молодыми членами партии. Старики противились каким бы то ни было новшествам или же переменам внутри партии, молодежь же со свойственным ей боевым пылом требовала более решительных действий. Одним из руководителей молодежи, конечно, был Рокер. "Старики" увидели в нем угрозу и исключили его — 19-ти летнего юношу — из партии.

Шумная и требовательная молодежь подверглась преследованиям не только со стороны старых социал-демократов, но со стороны правительства. Последнее начало закрывать клубы и производить среди молодежи аресты. Рокеру пришлось бежать заграницу. Очутившись вне опеки прусско-

го юнкерства и старой гвардии с-д партии, у Рокера появилась возможность знакомиться с другими радикальными течениями. Случайно Рокеру посчатливилось присутствовать на конгрессе Первого Интернационала, состоявшегося в 1891 г. в Брюсселе. Чисто военные приемы руководителей конгресса, требовавших полного подчинения и приказания и крайняя нетерпимость к инакомыслящим, окончательно рассеяли иллюзии Рокера насчет "святости" социализма. С этого времени он начал знакомиться с анархической литературой и вскорости примкнул — душой и телом — к анархическому движению. В анархизме он нашел все: и широкое поле для своей деятельности, и возможность полностью развернуть свой могучий талант. А талант у Рокера был исключительный... Без систематического посещения школы, почти исключительно при помощи самообразования, он вскорости достиг тех вершин на культурном Олимпе, которые были доступны только питомцам университетов. В этом отношении Рокер во многом напоминает Прудона, тоже при помощи самообразования поднявшегося до сказочных высот.

Маленький случай в жизни человека иногда может сыграть колоссальную роль... Гуляя однажды по улицам Парижа со своим немецким товарищем — таким же изгнанником, как и он — и жалуясь ему на то, что заграницей нет свободолюбивого немецкого движения, где можно было бы приложить свою силу и энергию, Рокер вдруг услыхал от своего товарища: "Рудольф, хочешь познакомиться с еврейскими анархистами в Париже?" Сначала Рокер принял это за шутку, так как считал, что у евреев кроме религиозных объединений ничего нет, но потом — любопытства ради — дал товарищу положительный ответ. При первом же контакте с группой еврейских анархистов, состоявшей из революционной молодежи, бежавшей главным образом от преследований из Росссии, Рокер убедился, что именно здесь ему суждено расправить свои крылья. Недостатка в спорах и дисскуссиях среди молодежи никогда не было. Спорили обо всем, начиная от строения вселенной и кончая конструкцией иголки. Рокер тоже принимал участие в этих спорах, а затем согласился прочесть целую серию лекций по затронутым вопросам. Читал он свои лекции по-немецки, но так как немецкий и еврейский языки во многом схожи, то слушатели его вполне понимали. Это "смешение языков," впрочем, продолжалось недолго, так как Рокер вскорости овладел еврейским языком до такой степени, что не только мог свободно читать и писать по-еврейски, но и редактировать печатные органы. Последнее, впрочем, произошло уже в Лондоне...

Лондон в конце прошлого столетия являлся чем-то вроде переселенческого пункта. Гонимое и преследуемое во многих восточно-европейских странах еврейское население устремлялось на запад, в надежде переплыть океан и попасть в Америку. Не всех и не всегда надежды осуществлялись. Многим евреям приходилось, что называется, сидеть у моря и ждать погоды, т. е. жить у самого океана, смотреть на океан, но — по тем или иным причинам— не пускаться в плавание. Еврейская колония в Лондоне, вследствие этого, считалась в то время одной из самых многолюдных подобных колоний. Были тут люди разных политических взглядов и разных социальных положений, но в большинстве своем это — были рабочие, безжалостно эксплоатировавшиеся лондонскими предпринимателями. Почва для распространения анархических идей, вследствие этого, являлась самой благодатной. И Рокер широко использовал эту почву...

В то же самое время Лондон считался как бы интеллектуальным центром анархического движения. Тут жили: П. Кропоткин, Луиза Мишель, Э. Малатеста, В. Черкезов и др. Со всеми ими Рокер близко сошелся, подружился и включился в общую работу. К этому же времени относится знакомство Рокера с Милли Виткоп, интеллектуально развитой девушкой, родившейся в России. Они полюбили друг друга и прожили счастливо и весьма красиво вплоть до 23 ноября 1955 года, когда Милли скончалась.

Выше было отмечено, что дать в одной статье полную картину жизни и деятельности Рокера — вещь невозможная. Чтобы иметь хоть некоторое представление о широте и многогранности жизни Рокера достаточно обратить внимание на то, что один лишь второй том его автобиографии (пребывание в Лондоне) занимает 915

страниц. И каждая страница — полновесное зерно... Приходится, вследствие этого, ограничиться лишь несколькими эпизодами из жизни этого Великана.

В конце 1897 г. Рокер, не имея в Лондоне постоянной работы, решил переселиться в Ливерпуль, где тоже была еврейская анархическая группа, хотя и не такая многочисленная как в Лондоне. С приездом Рокера группа, конечно, оживилась. Ее члены до такой степени ободрились, что решили даже издавать свою газету, поручив ее редактирование Рокеру. Хотя Рокер в это время уже знал еврейский язык, но писать по-еврейски он еще не решался. Из затруднения вывел один старый товарищ, знавший немецкий и еврейский языки: Рокер писал по-немецки, а старый товарищ переводил на еврейский язык. Так, немец по рождению, стал редактором еврейской газеты. Но это было лишь начало... Еще до приезда Рокера в Лондон (из Франции) там издавалась еженедельная анархическая газета "Друг Рабочего," пользовавшаяся большой популярностью не только в Англии, но и в Соединенных Штатах. Редактировал эту газету С. Яновский. Как раз в то время, когда Рокер начал редактировать в Ливерпуле небольшую газету, Яновскому предложили немедленно приехать в Нью Иорк и занять место редактора в большой газете "Фрай Арбейтер Штимме." Яновский предложение принял. Лондонский "Друг Рабочего," вследствие этого, остался без редактора. Взоры всех устремились на Рокера. Кому же, как не ему, занять вакантное место? К тому же, материальное положение ливерпульского издания было весьма шаткое, лондонский же "Друг Рабочего" имел все шансы процветать и успевать. Рокер, вследствие мягкости своего характера, не мог отказать товарищам в их просьбе. "Друг Рабочего" начал выходить под его редакцией. Тяжесть редакторского бремени общеизвестна, но тут эта тяжесть усиливалась еще тем, что Рокеру пришлось в спешном порядке изучать еврейскую грамматику. Днем и ночью приходилось заниматься. С затруднениями Рокер, однако, превосходно справился. Его статьи не уступали статьям лучших еврейских журналистов. "Друг Рабочего," как цветок после теплого дождя, расцвел. Газета стала интереснее и содержательнее. На этом Рокер, однако, не остановился. Кроме еженедельной газеты, он организовал издательство ежемесячного литературного журнала "Жерминаль" (тоже на еврейском языке), до сих пор считающегося лучшим анархическим литературным журналом. (Под этим названием до сих пор выходят в некоторых странах анархические литературные издания.)

Рокер был не только блестящим журналистом и хорошим писателем, но и выдающимся организатором и общественным деятелем. Он умел пропагандировать свои идеи не только путем печатного слова или же выступлений на трибуне, но и путем борьбы за улучшение положения тех, кто подвергался немилосердной эксплоатации. Здесь нужно сделать маленькое отступление. Необходимо заметить, что большинство еврейского трудового населения — портные. Как нельзя представить итальянского рабочего в Америке без кирки, а китайского — без прачешной, так нельзя представить еврейского труженика без иголки. Когда мы говорим сейчас о портных, то в нашем воображении всплывают мощные рабочие юнионы — Амалгамейтед и Интернейшионел Лэйдис Гармент. Не так было пол века тому назад. Тогда не было никаких рабочих об'единений. Работали портные разъединенно, в большинстве случаев у себя дома, а не в мастерской. Владельцы портняжной индустрии считали, что им выгоднее отдавать работу на дом, вместо того, чтобы содержать мастерскую. Квартира портного, вследствие этого, являлась не только местом для жилья, но и мастерской. Работа часто продолжалась днем и вечером, при чем в ней иногда участвовала вся семья портного. Платили хозяева портным — сколько им Бог на душу положил. Но в общем плата была такая, что портной никак не мог выкарабкаться из тисков нужды. Если связывал концы в одном месте, то разрыв получался в другом. Чахотка, как спутник скученной беспросветной жизни, процветала во всю. Вот улучшение положения этих рабочих Рокер и поставил своей первейшей задачей. В распоряжении рабочего, как известно, есть только одно средство для улучшения своего положения — забастовка. Но если забастовку не всегда удается вызвать и успешно провести даже там, где рабочие

объединены, то как же ее можно вызвать и провести успешно там, где рабочие разъединены? Рокер, однако, добился того и другого. Он сумел убедить портных, что терять им, кроме цепей, нечего и в Англии в 1912 г. была объявлена и выиграна генеральная забастовка в портняжной индустрии. Выиграть ее удалось только потому, что Рокер сумел создать забастовочный фонд, из которого бастующие получали помощь. Положение портных после забастовки значительно улучшилось, Рокер же среди бедного еврейского населения стал чем то в роде второго Моисея. В своих воспоминаниях Рокер, касаясь того времени, приводит следующий почти анекдотический случай. Однажды он, идя с женой по узенькой уличке, заселенной почти исключительно евреями, был остановлен молодой женщиной, попросившей его обождать минутку, пока выйдет из дому ее дедушка, весьма преклонных лет. Старик, как видно, уже с трудом мог передвигаться, но он решил преодолеть все трудности, подойти к Рокеру и поблагодарить его за то, что он сделал для трудового люда. Из слов стака Рокер узнал, что перед ним стоит человек, всю свою жизнь проработавший в портняжной индустрии, а потому знающий как важно всякое улучшение в области труда. Заслуга Рокера в представлении старика увеличивалась еще тем, что Рокер — не еврей. По понятиям ортодоксально мыслящих людей — а старик был одним из таковых — только "свой" должен помогать "своим." Если же это делает "не свой," то объяснением могут быть только исключительно высокие душевные качества человека. Рокер, стало быть, не от мира сего. У него добрая душа... На прощание старик сказал Рокеру, что его заветной мечтой было — увидеть Рокера прежде, чем произойдет встреча с неизбежной гостьей — смертью. Теперь его мечта исполнилась и он спокойно может вслед за своим древним предком — старцем Симеоном — сказать: "Ныне отпущаеши..."

Несмотря на то, что Рокеру чужды были какие бы то ни было религиозные предрассудки, но он был тронут этой несколько ортодоксальной речью старика.

Разразившаяся летом 1914 г. первая мировая война смешала многие карты и выбила многих людей из обычной колеи. Раны были нанесены не только тем, кто непосредственно, так сказать, физически, попал в эту мясорубку, но и тем, кто так или иначе принципиально связался с ней (войной). Уже много писалось о том всеобщем психозе своеобразного патриотизма, который в первые месяцы войны проник не только в ряды социалистов, но и в ряды анархистов. Рокер, однако, остался верен своим прежним принципам. Он, как и прежде, продолжал порицать войну, доказывая, что она вызвана не стремлением улучшить положение населения, а стремлением завладеть новыми рынками и желанием расширить границы своего государства, т. е. чисто империалистическими вожделениями. Если анархистам не всегда возможно вести свою работу в мирное время, то во время войны — тем более. Военное время — сумасшедшее время. Только дикие силы могут плясать, голос же рассудка или здравый смысл должны молчать. Заставили замолчать и Рокера. Английские власти арестовали его 7 декабря 1914 года. Но арестовали не как идейного противника войны, а как... немца. (Кажется, это общая участь всех анархистов: арестовывают не за убеждения, а за что-то постороннее, совершенно чуждое анархистам.) Как немцу, Рокеру и заключение пришлось отбывать среди прочих интернированных немцев, в большинстве случаев — военнопленных. Рокер в то время был в расцвете своих сил, полон энергии и самых возвышенных устремлений. И силы эти нашли свой выход даже там, где, казалось бы, никакого выхода нет. Помимо того, что он, находясь в заточении, написал два тома "За колючей проволокой," где красочно описана лагерная жизнь, но он сумел до известной степени привить свои идеи военнопленным. Способствовало, конечно, этому то обстоятельство, что пленные из гордых и чванливых пруссаков были превращены в обыкновенных узников. Обиженный чем-либо человек всегда склонен прислушиваться к здравому рассудку... За сравнительно короткое время Рокеру удалось установить среди заключенных своеобразный коммунальный порядок. Прежде всего, было установлено полное равенство. (Правильнее сказать: одинаковое неравенство по отношению к существо-

вавшим законам.) Ни высших, ни низших. Ни офицеров, ни рядовых солдат. Ни знати, ни черни. Все — одинаковы. Все — люди. Работы и обязанности, если таковые случались (а обязанности бывают даже в заключении), выполнялись всеми по очереди. На этой почве однажды произошел следующий характерный для Рокера случай. Среди новоприбывших пленников оказался один молодой немец, считавший себя аристократом. Никакого равенства он не признавал. Только Рокера считал равным себе, всех же остальных — ставил ниже себя. Когда дошла до него очередь принять участие в чистке барака, то аристократ заявил, что это ниже его достоинства и что он целый день не поднимется с койки, — пока не пройдет его очередь. Чистившие в тот день барак, вымыли пол везде, за исключением известного расстояния вокруг койки аристократа. Сообщили об этом Рокеру, как старосте барака. Рокер, конечно, мог бы пустить в ход свой авторитет и приказать аристократу выполнить свою обязанность. Но вместо этого, он взял ведро и щетку и принялся сам мыть пол вокруг койки аристократа, утверждая, что человеку в высшей степени стыдно и позорно жить в грязи. Аристократ не выдержал: поспешно поднялся с кровати, взял из рук Рокера щетку и сам докончил уборку барака. Так Рокер — словом и делом — умел пробуждать в человеке лучшие чувства.

В это время Рокер едва ли не стал жертвой договора, заключенного между английским и германским правительствами об обмене штатскими пленными. Как не военный, Рокер подходил под этот договор... Несмотря на его неоднократные заявления, что ему, как лицу, бежавшему по политическим соображениям из Германии, возвращение туда равносильно смерти, английские власти решили передать его в руки правительства кайзера. Только близорукость пограничного чиновника спасла Рокера от возможных мытарств и весьма печальных последствий в Германии. Когда Рокер прибыл на пограничный пункт (в Голландии), то чиновник прежде всего решил справиться о его гражданских правах, касавшихся, конечно, Германии. Выяснилось, что Рокер в результате долголетнего пребывания заграницей потерял свое прежнее подданство. Чиновник объявил об этом Рокеру с той важной осанкой, которая подобает в подобных случаях представителям власти, Рокер же в это время, по его словам, готов был от радости расцеловать этого надменного чиновника: до того ему не хотелось возвращаться в кайзеровскую Германию.

Русская революция застала Рокера все в том же лагере для интернированных, куда его обратно водворили после неудачной попытки выслать в Германию. Первый жест русской революции (при том — весьма красивый), как известно, был — амнистия всем политическим "преступникам." Жена Рокера (тоже арестованная английским правительством), как родившаяся в России и бежавшая оттуда, спасаясь от преследований со стороны царского правительства, имела полное право воспользоваться этой амнистией. Но она наотрез отказалась ехать в Россию без мужа. Друзья Рокера обратились к Временному Правительству с просьбой разрешить Рокеру переселиться в Россию. К чести Временного Правительства, оно такое разрешение дало, но... английское правительство категорически отказало Рокеру в праве на выезд из Англии. Жена Рокера, по словам английского правительства, могла уехать в Россию, но не Рокер... Не помогли и указания, что правительство в данном случае само себе противоречит: то высылало Рокера против его желания из страны (в Германию), то отказывает ему — опять таки против его же желания — в праве на выезд из страны. Власти глухи к каким бы то ни было доводам...

Распрощался Рокер с мрачной обстановкой концлагерной жизни только после окончания войны. Падение монархии в Германии и установление там республиканского строя явилось для Рокера своего рода весною. Он немедленно же уехал туда и, что называется, с головою окунулся в работу. При его непосредственном участии было создано обширное издательство, выпустившее много анархической литературы на немецком языке. Было также возрождено Международное Товарищество Рабочих (Анархический Интернационал). О периодических изданиях и говорить нечего: без них Рокер нигде не мог жить. (Даже находясь в английском концлагере, он практиковал нечто вроде печатного орга-

на.) То же самое надо сказать и о лекциях. Рокер считался блестящим лектором, поэтому никогда не было недостатка в приглашениях выступить с речью. И эти приглашения он всегда принимал. Помимо всего этого, Рокер в это время работал над своим главным трудом — книгой, посвященной культуре и национализму. (Книга была издана в Соединенных Штатах в 1934 году.) Трудно предположить, какой обильный урожай Рокер пожал бы на своей ниве, если бы к власти не пришел Гитлер. В нацистской Германии Рокеру, конечно, не могло быть места. Он вынужден был вторично бежать из страны, в которой родился. Это второе бегство было гораздо тяжелее первого, и не только потому, что Рокеру в это время было уже 60 лет, а не 20, как во время первого, но и потому, что он вынужден был оставить наци свою обширную библиотеку, десятками лет собиравшуюся. А библиотека для человека, занимающегося интеллектуальным трудом, то же самое, что вода для рыбы.

* * *

Я имел счастье состоять в личном знакомстве с т. Рокером. Но еще до нашего знакомства, еще тогда, когда Рокер находился в Германии, а я — в Чикаго, я вел с ним обширную переписку по делам оказания помощи заключенным анархистам. Письма Рокера всегда дышали теплом и чисто материнскими заботами о заключенных. Сразу же чувствовалось, что их автор — человек с чуткой и весьма отзывчивой душой. И когда я впервые встретился с Рокером (это было в середине 20 гг.) я тот час же убедился в правильности моих заключений, составленных на основании писем. Рокер никого не мог обидеть. Даже отвечая на какое-нибудь едкое замечание со стороны одного из своих оппонентов, он не входил в азарт, а делал это всегда спокойно, тихо, с улыбкой на лице. Если же он находился в узком товарищеском или семейном кругу, беседа с ним превращалась в настоящую симфонию. Хотелось его слушать и слушать... Никогда не забуду тех вечеров, которые т. Рокер провел у нас на квартире. Весь дом, все комнаты, казалось, обновлялись. Все жившие в этих комнатах как будто становились другими. То, что известно под именем зла и ненависти, словно куда то исчезало. Казалось, что во всем мире царит только добро, любовь и ласка. Казалось, что на небе сияет солнце даже тогда, когда лил проливной дождь. До того велика была сила душевной теплоты, исходившей от Рокера.

Вот случай... Во время одной из лекционных поездок Рокера по США (он тогда еще жил в Германии) "шумела" книга М. Ремарка "На западном фронте без перемен." Мы просили Рокера посвятить одну из своих лекций этой книге. Он согласился. Собралось свыше 800 слушателей. Говорить о книге Ремарка это значит — говорить об ужасах войны. Рокер, повидимому, мысленно перенесся туда, где происходили эти ужасы. Не дошел он и до середины лекции, как у него на глазах появились слезы. Вскоре начали плакать и все 800 зрителей. Так, под плач и всхлипывания была прочитана эта лекция. Часто появлялись слезы у слушателей на глазах и при изложении Рокером социальной несправедливости. Вообще, у Рокера было что-то от Надсона, — тоска по лучшему, красивому и возвышенному.

Несмотря на то, что последние 24 года своей жизни Рокер прожил в Соединенных Штатах, но считался он здесь временным жителем, так как жил по визе, выданной на год, а потом ежегодно возобновлявшейся. Вследствие этого он не мог говорить здесь всего того, что ему хотелось бы. Иммиграционные власти всегда следили за ним. По этой же причине он во время последней войны стоял на стороне коалиционных сил, несмотря на то, что в коалицию входили и такие реакционеры, как большевики. Свою деятельность Рокер вынужден был съузить, сосредоточиться главным образом на культурном участке. Литература и живопись — были главные предметы, о которых говорил и писал Рокер в последние годы своей жизни. Политических тем касался лишь мимоходом. Но совершенно оторваться от действительности он, конечно, не мог. Он интересовался всем, что происходит в наше время. Мне передавали, что в самые последние годы своей жизни он работал над книгой, в которой хотел нарисовать картину современного политического и экономического со-

стояния общества. Не знаю — удалось ли ему этот труд закончить.

Некрологи о Рокере были помещены почти во всех еврейских газетах. А. Кранц в газете "День" называет Рокера "Носителем красоты." Заслуга Рокера, по словам Кранца, не в том, что он, будучи не евреем, изучил в совершенстве еврейский язык, а в том, что он внес в еврейскую литературу струю универсализма.

Да, Рокер был носителем красоты, но не отвлеченной красоты, а реальной. Он не принадлежал к тем эстетам, для которых неважно, что творится на свете, лишь бы красота торжествовала. Рокер красоту связывал с социальной правдой и справедливостью. Красота, по его мнению, должна быть везде, — во всех поступках и во всех действиях человека. Нельзя писать чарующие звуки музыки и в то же время иметь рабов. Настоящий носитель красоты — тот, кто считает, что все люди, независимо от их расового или национального происхождения, — одинаковы.

Таким носителем красоты — неразлучной с правдой и справедливостью — был наш никогда незабываемый т. Рокер.

Б. Еленский

СТРАНИЧКА ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ АНАРХИСТА

(К смерти Рудольфа Рокера — 1873-1958)

Чистокровный германец, из католической семьи, Рудольф Рокер связал свою судьбу с еврейским анархическим движением. В Лондоне в 1895 году он сошелся с еврейскими иммигрантами, главным образом, из России и Польши, убежавшими от погромов. Талантливый, молодой Рокер искал применения бурлившим в нем революционным страстям, и нашел в еврейской среде братский отклик и прием. Он сблизился, врос в эту среду, превратился в одного из выдающихся деятелей анархического движения. Как блестящий оратор, талантливый писатель, публицист, книги которого переведены на многие иностранные языки, Рокер приобрел всемирную известность. Его литаратурное наследство огромно — тысячи талантливых статей, разбросанных в анархических газетах и журналах, могли бы составить десятки томов книг.

Но нельзя объять необъятное, и пока приходится ограничиться немногими, беглыми замечаниями о деятельности этого выдающегося человека.

Сперва Р. Рокер на еврейских митингах в Лондоне прислушивался к речам ораторов, усвоил их жаргон (идиш), родственный немецкому языку, а затем сам стал, не без успеха, выступать с речами и лекциями перед еврейской аудиторией. Соратницею, его подругою жизни стала еврейская девушка-украинка Милли Викоп из Златополя. Он овладел письменным еврейским языком в таком совершенстве, что его теперь считают одним из творцов и начинателей современной еврейской литературы (статья нью-иоркского "Форварда," посвященная юбилею Рокера).

Еще задолго до Рокера еврейские анархисты в Лондоне делали неудачные попытки издавать групповую газету "Арбейтер Фрейнт," но атеистическое направление ее раздражало верующих евреев и они старались подорвать ее: сперва подкупили наборщика, дав ему деньги на проезд в Америку, а затем соблазнили взяткою владельца типографии, и выход газеты внезапно остановился в мае 1887 года.

Новая попытка возобновить издания "Арбетер Фрейнт" была предпринята С. Яновским (1864-1939) — уроженцем России, эмигрировавшим в США в 20-летнем возрасте. Он был одним из основателей еврейской анархической газеты "Вергейт" в Нью Иорке в 1889 году, после 20-го выпуска преименованной в "Фрайе Арбейтер Штимме," доныне издающейся там. В январе 1894 года С. Яновский, однако, вернулся из Лондона в Америку: умеренность тона "Арбейтер Фрейнт" вызвала оппозицию со стороны горячей молодежи и даже покушение на его жизнь.

Издание этой газеты возобновилось 19

октября 1898 года группою в 12 человек, под редакцией Р. Рокера. Решили принимать коммерческие объявления, приносившие 50 фунтов стерлингов дохода в год, но... агент растратил деньги, и издание было прервано в ноябре 1899 года. Лекции Эммы Гольдман, бурская война вызвали возбуждение в рабочих массах, некоторый приток средств. Снова приступили к выпуску газеты, но после 10-го номера новая остановка в январе 1900 года.

Первый номер двухнедельной газеты "Жерминаль" с участием Р. Рокера в качестве редактора-издателя появился 16 марта 1900 года. Вышло 12 номеров, после чего наборщик-партнер вышел из издательства, открыв собственную типографию. Супруги Рокеры предприняли отчаянную попытку — издание газеты у себя в комнате, на четвертом этаже. Обзавелись шрифтом в рассрочку, вдвоем набирали газету, верстали, сами сносили страницы с 4-го этажа вниз. Это была довольно трудная работа... Опять возобновили издание "Арбейтер Фрейнт" с выпуском "Жерминаля" раз в месяц. Снова приостановка, переселение из Лондона в гор. Лидс. "Жерминаль" появился там в декабре 1901 года, но встретил сильное противодействие со стороны евреев-ортодоксов: хозяева залов отказывались сдавать помещения для устройства собраний, лекций, вечеров, срывали со стен плакаты, дело доходило до потасовок.

В 1902 году осенью Р. Рокер вернулся в Лондон, возобновилось издание "Арбейтер Фрейнт" в марте 1903 года, а в январе "Жерминаля." Кишеневские погромы в России в апреле 1903 года вызвали большое возбуждение в Англии. Англичане реагировали на это варварство грандиозным митингом протеста в лондонском Гайд парке с участием П. Кропоткина. Еврейский митинг протеста там-же состоялся 21 мая 1903 года. Вокруг трех трибун собралось 25 тысяч человек. Ораторы на еврейском, английском, польском и русском языках: П. Кропоткин, В. Черкезов, Джон Торнер, Герберт Барроус, Герри Келлы, Тедд Легарт и др.

Р. Рокер отмечает, что евреи ортодоксы и даже сионисты и две еврейские желтые газеты в Лондоне всемерно противодействовали устройству этих митингов протеста. Они исходили из странного понимания: нельзя раздражать протестами царских погромщиков — от этого может быть хуже евреям в России, беспокоились больше о самочувствии палачей, чем их жертв. Одна из еврейских газет даже брала под сомнение симпатии П. Кропоткина к евреям... Анархистов и социалистов упрекали в том, что это они своими революционными действиями накликали на евреев погромы...

Но в большой английской печати были упреки и по адресу английских и французских банкиров, предоставляющих царскому правительству займы, без которых оно не могло бы проводить свою реакционную политику и погромную работу.

В 1904 г. "Арбейтер Фрейнт" стал выходить на 12 страницах (четыре литературные); тираж с 2.500 возрос до 4.000 экземляров. Влияние анархического движения проявилось в том, замечает Рокер, что все еврейские тред-юнионы на Ист-Энде в Лондоне были созданы по инициативе еврейских анархистов. Главная заслуга их в уничтожении преобладавшей тогда потогонной системы. Кампания против нее открылась митингом 6 апреля 1904 года. В числе ораторов — Черкезов, Чайковский, Малатеста, Таррида и др. Отсутствовавший П. Кропоткин обратился к митингу с пространным посланием. Дружно проведенная забастовка принесла победу рабочим, признание их профсоюзов. Беспомощная, жестоко эксплуатируемая еврейская масса почувствовала себя обеспеченнее, обрела человеческое достоинство, превратилась в важный экономический фактор, с которым стали считаться и предприниматели и английское организованное рабочее движение. Еврейские тред-юнионы показали пример рабочей солидарности во время забастовки доковых рабочих, когда члены их брали в свои дома и кормили голодающих детей забастовщиков, снабжали их самих хлебом.

В 1906 году многострадальная газета "Арбетер Фрейнт" отпраздновала 20-летний юбилей своего существования выпуском увеличенного 16-страничного номера со статьями всех прежних редакторов, а также своих единомышленников-друзей: П. Кропоткина, Черкезова, Иоганна Моста и других. Устроенный 17 марта юбилейный вечер омрачился телеграммою из Нью-Йор-

ка о смерти Моста. Последний, как и Рокер, "ненавидел немецкие методы, немецкую нетерпимость, казарменный менталитет (дух)." В Лондоне в 1879 году этот бывший депутат германского рейхстага эсдек, начал издание первой немецкой с-д. газеты "Фрейхайт," и в 1880 году, исключенный из партии, ушел в анархизм вместе с большинством с.-д. организации, обосновавшейся в большом клубном помещении "Крафтон Голл" (зала на 500 человек, ресторан, бар, библиотека, клубные комнаты и т. д.), превращенном в очаг международной анархической пропаганды. За одобрение газетой убийства Александра 2-го Моста осудили в тюрьму, и он принужден был эмигрировать в Америку.

В ранний период революционной деятельности Р. Рокер отдал дань некоторым крайним увлечениям. Антирелигиозное направление его газеты не нравилось верующим евреям. В праздник Иом Кипур ортодоксы произвели набег на залу, в которой происходило антирелигиозное собрание. Мускулистый Рокер, вместе с другими единомышленниками, успешно отразил нападение фанатичных зилотов. Полиция игнорировала их жалобы, указав на то, что в свободной Англии евреи могут молиться в синагогах, а атеисты так же беспрепятственно устраивать антирелигиозные собрания.

Ненавидевший "прусский казарменный дух" Р. Рокер, хотя сам и атеист, не принадлежал к числу воинствующих безбожников. Он был толерантен и в газете помещал статьи "богоискателей." В годы позднейшей своей деятельности он, как и его знаменитый соотечественник Макс Неттлау, признавал, что среди религиозных людей — христиан и евреев —могут быть анархисты, приводил в пример англичан Дж. Моррисона, Дэйвидсона и Джон К. Кенворти, считавших себя христианскими анархистами — последователями Л. Толстого.

Комментируя по поводу нападения зилотов на атеистов в день Иом Кипур, Р. Рокер пишет: "Люди, которые думают о том, чтобы ворваться в синагогу или в церковь с целью воспрепятствования богослужению — не лучше тех фанатичных зилотов в Лидсе (где имело место нападение на атеистов), которые пытались разогнать наш митинг. Право действовать по своим убеждениям принадлежит всем (верующим и атеистам). Место верующего еврея в день Иом Кипур (Судный день) — в синагоге, а не на улице, чтобы помешать другим (атеистам) осуществлять свое право поступать так в этот день, как они желают." Благоразумнее же всего, — замечает Рокер, — было бы для тех, кто не соблюдает праздника Иом Кипур не устраивать в этот день демонстраций. Конечно, при условии, что верующие со своей стороны проявлят такую же терпимость к убеждениям атеистов — толерантность должна быть обоюдною."

Общеизвестно англофильство Р. Рокера, считавшего, что "Англия — страна с либеральными традициями, с чувством терпимости и справедливости." В этом убеждении его, кажется, не поколебало даже интернирование в Англии во время Первой мировой войны, когда Рокеру пришлось пережить тяжелые годы в заключении, и в огромной тюрьме (14 тыс. заключенных) наблюдать, как доведенные хроническим голодом и скученностью культурные немцы превращались в диких зверей. Но и в этих условиях Рокер оставался верным своим анархическим убеждениям: читал лекции, проповедывал антимилитаризм, пораженчество в большинстве случаев немецким патриотам, мечтавшим о победах германского оружия. Его не пугали их обидные эпитеты — "предатель фатерланда," "агент союзников" и т. п.

Первая мировая война расколола анархическое движение на пораженцев и оборонцев. Подавляющее большинство анархистов в Англии и в других странах заявили себя противниками войны, пораженцами. Оборонческая позиция П. Кропоткина, Черкезова, Жан Грава и их единомышленников вызвала резкие нападки в пораженческой печати. Газета "А. Ф." выступила с возражениями против оборонческой позиции П. Кропоткина (четыре статьи Рокера). В конце 1914 года его интернировали, как немца. Газета все еще выходила, но в июле 1916 года гонениям и арестам подверглись другие сотрудники-антимилитаристы: Шапиро, Линдер, Ленобль, Герри Келлы. Владельца типографии оштрафовали на 50 ф. ст., наложили арест на газету, и наконец, закрыли контору. Милли Рокер и стар-

шего сына Рокера интернировали, жизнь газеты оборвалась.

Военная истерия захлестнула свободолюбивую Англию. Англичане превратились в озлобленных, подозрительных людей. Они вопили: "немецкие хлебопекарни примешивают мышьяк в хлеб; немцы отравляют питьевую воду! В клубах у них оружие! (была найдена буфаторская кромневка для театральных постановок). Берегитесь немцев! Следите за вашим соседом немцем!"

В анархической среде — разнобой, склока, возбуждение. В пылу оборонческо-пораженческой полемики доходили до абсурдных утверждений, сжигали то, чему еще недавно поклонялись. Было ясно, — замечает Р. Рокер, — что международная социалистическая солидарность — миф. Речи и резолюции международных конгрессов — пустые фразы. Разговоры о братстве народов и об интернациональной солидарности бессмысленные мечты...

В Англии социалисты Гайдман, Блачфорд и др. возбуждали к войне; независимые лейбориты — против войны; либерали — за нейтралитет. Грандиозная антивоенная демонстрация в Трафлагарском сквере вызвала не менее внушительную патриотическую демонстрацию там-же с криками: "гром победы раздавайся!" Во Франции призывавший к всеобщей забастовке Жан Жорес был убит; в Германии социал-демократы в рейхстаге голосовали за войну (в пораженцах оказался лишь Карл Каутский — чех по рождению). Обезумевшие люди ухватились за оружие, увлеченные взаимным истреблением. Голос рассудка перестал действовать.

В письме к С. Яновскому от 10 сентября 1914 года П. Кропоткин писал: "Как в 1870-71 г. Бакунин, Гарибальди, Либкнехт-отец, Бебель и думающие люди понимали, что разгром Франции даст Европе полстолетия застоя, военщины, торжества алчущей наживы буржуазии и регресса всей умственной жизни Европы, — так и теперь мы должны стать глашатаями тех же истин и звать всех на защиту Франции и Бельгии."

Черкезов выразил эти мысли П. Кропоткина еще ярче: "Если Германия выиграет войну — со всяким свободным развитием в Европе будет покончено. Рабочее движение умрет. Начнется длинный период реакции во всей Европе, которая уничтожит все достижения прошлых веков. Поэтому обязанность революционеров не допустить победы прусского милитаризма."

Э. Малатеста возражал П. Кропоткину и Черкезову: война ведется за интересы правящих классов, а не наций... Победа Германии приведет к реакции, но такой же результат принесет и победа союзников... на чьей стороне рабочие ни сражаются, — они только пушечное мясо... Во Франции победу используют клерикалы и ройялисты для ниспровержения республики. Он, Малатеста, желает поражения немцев, но по другим причинам, чем Кропоткин и Черкезов: оно может вызвать в Германии революцию, которая распространится и на другие страны...

История уже сказала свое решающее слово об этом споре. Исполнилось пожелание Малатесты: в Германии произошла революция — кайзера Вильгельма свергли, но демократическая республика оказалась немцам не по вкусу, и в 1933 году у власти оказался Гитлер со своим "политическим каннибализмом." Убежавший в Америку Р. Рокер возобновил здесь анархическую деятельность в качестве редактора "Фрайи Арбетер Штимме." Его 80-летний юбилей принял характер международного чествования. Юбиляра приветствовали телеграммами Альберт Эйнштейн, Бертранд Россель, Томас Манн и множество других единомышленников, почитателей его таланта.

На склоне жизни Р. Рокер произвел некоторую переоценку ценностей. Его выводы: Революции не всегда благодательны. Английская революция породила кромвеллевскую военную диктатуру. Французская — рубку голов и Наполеона. Русская революция затмила их своей тоталитарной диктатурой, новым деспотизмом, рабством, варварством, потоками крови... "Идея принуждения народа быть счастливым приводит только к его порабощению. Без свободы мысли и действия сад Эдема превращается в ад," — такова оценка революционного насилия Рокером.

Газовые печи Гитлера, истребление им миллионов евреев и других "унтер-меншей" вызвали в Рокере разочарование в антимилитаризме, пацифизме, пораженчестве. Бывают такие моменты в истории

жизни людей, когда приходится браться за оружие, и в своей книге "Лондонские годы" (на англ. языке, изд. в 1956 году) он признает ошибочность своей лондонской пораженческой позиции:

"Я теперь сознаюсь, — пишет Р. Рокер, — **что Кропоткин видел и судил о вещах лучше, чем я и другие антимилитаристы."**

Не оправдались и ожидания П. Кропоткина. Русская революция его радовала, но он видел ее эксцессы, разорение страны, потоки крови, использование ее диктатурой не в интересах трудового народа, а для порабощения всего мира, превращения его во всемирный советский концлагерь. Предстоит новая великая борьба народов, и в ней не должно быть места пораженчеству, ибо кто не сопротивляется, тот погибает.

Итак, — посмертно взгляды обоих гигантов анархической мысли Кропоткина и Рокера как бы сошлись: пораженчество— не средство преодоления агрессивности; против большевистской или буржуазной агрессии может быть только вооруженный отпор, и полное отрицание насилия в строительстве свободного общества, в экономике, земледелии, политике, во взаимоотношениях людей — в этом и заключается отличие свободного анархического общества от диктаторского, властнического социализма.

Историк

ПАМЯТИ Р. РОКЕРА

Какое сердце биться перестало!

10 сентября 1958 г. в Нью Иорке скончался известный анархист, оратор и писатель Рудольф Рокер. Согласно оставленному завещанию, тело покойного было кремировано, т. е. сожжено.

Рокер родился в марте 1873 г. в небольшом городе Майнце, Германия. 6-летним мальчиком он потерял своих родителей и, оставшись сиротой, воспитывался в католическом сиротском доме. Он учился 8 лет в народной школе. Обладая замечательными способностями, он скоро выучился не только писать и читать по-немецки, но и разбираться в сложных социальных вопросах. Но прочитав несколько книг о социализме и рабочем движении, он сильно заинтересовался анархизмом и анархическим движением. Его любимым идеалом был анархо-синдикализм, которому он посвятил все свои силы и способности. Обладая большим красноречием, он был привлекательным дебатантом и критиком и в своих дискуссиях с идейными противниками всегда выдвигал синдикализм, как лучший рабочий идеал, могущий практически удовлетворить экономические и социальные вопросы рабочего класса.

Рокер вскоре оставил пределы Германии и поселился сначала в Париже, а затем в Лондоне. Здесь он в течение нескольких лет работал переплетчиком; здесь же он познакомился со многими анархистами разных национальностей. По совету некоторых еврейских анархистов, он выучился еврейскому языку и скоро начал редактировать еврейский анархический журнал "Жерминаль," издававшийся одной анархической группой. Кроме "Жерминаля," он редактировал и другие анархические журналы и перевел на еврейский язык две книги П. Кропоткина: "Записки революционера" и "Взаимопомощь, как фактор эволюции"; "Жизнь и деятельность Михаила Бакунина," "История террористического движения во Франции" и "Франциско Феррер и свободная школа." Кроме переводов, Рокер написал несколько собственных книг: "Жизнь и деятельность Иоганна Моста," "Пионеры анархической свободы" и "Принципы синдикализма."

Большой популярностью пользуется книга Рокера "Национализм и культура," содержащая более 600 страниц, над подготовлением которой автор работал почти 20 лет. Написанная в оригинале по-немецки, она была переведена на несколько языков. В ней автор анализирует спорный вопрос о происхождении государства, национализма и культуры и многочисленными примерами из истории народов указывает на ту вредную роль, которую государство играло в деле разжигания национальных чувств и затемнения культурного сознания многих народов. Почти все критики дали самые лучшие отзывы о ней. Книга "Национализм и культура," несомненно, доставила Рокеру большую славу и популярность.

Книга "Пионеры американской свободы" была написана Рокером в 1933 г., вскоре после его приезда в Америку. В ней он освещает вопрос о либеральных традициях американского народа. Другой книгой, на-

писанной им в то же время, являются воспоминания о его заточении в концентрационном лагере в Англии, в котором он просидел около 3-х лет — 1915-1918. Воспоминания составляют две книги: в первой автор описывает жизнь и страдания заключенных, касаясь таких злободневных вопросов, как скудная пища, плохая одежда, грубое отношение администрации к заключенным и вообще безкультурного "житья-бытья" заключенных. Последние с течением времени добились лучших условий и в этом Рокер играл немалую роль. Во второй книге он касается программы или серии лекций, которые он прочел для заключенных. Эти лекции касаются литературы, социализма и рабочего движения. Кроме этого, Рокер прочел несколько лекций о русской революции и революционном движении в России. Поводом к этому послужила революция в марте 1917 года. Слушатели были довольны лекциями Рокера и в сердечных выражениях поблагодарили его за труды. Вообще, "Воспоминания" являются замечательным материалом для исследования индивидуального и социального характера людей.

Вскоре после выпуска книги "Пионеры американской свободы," Рокер написал замечательное предисловие к книге Волина "Русская революция и анархическое движение," изданной на английском языке. В нем Рокер указывал, согласно утверждениям Волина, что большевики при достижении власти задались целью истребить всех инакомыслящих и, главным образом, анархистов и социалистов. Он также утверждает, что Волин был первым среди русских анархистов, который устно и печатно предупреждал трудовой народ о грозящей ему опасности со стороны новых властителей — "коммунистов."

В конце 1921 г. Рокер был делегатом на анархическом конгрессе в Берлине, на котором он играл видную роль, выступая с речами по некоторым вопросам, намеченным в порядке дня конгресса и со специальными докладами о русской революции и анархическом движении. В этих докладах он развивал точку зрения анархо-синдикализма и не все делегаты, понятно, соглашались с ним. Тем не менее, его слушали с большим интересом. Сам же Рокер всегда относился с уважением и терпимостью к инакомыслящим, независимо от согласия или несогласия с ними.

Рокер оставил большое литературное наследствие: книги, брошюры и большое количество статей, помещенных в разных анархических синдикалистских журналах и газетах. Все написанное им представляет собой глубокий, неисчерпаемый источник знания.

Начиная с 1933 г., Рокер все время находился в Соед. Штатах Америки. Он дважды объехал Америку и Канаду с лекционной целью и его лекции всегда заканчивались успешно в финансовом и моральном отношениях. Его лекции были об интернациональном рабочем движении, анархизме и синдикализме. Живя в Нью Иорке, он сотрудничал в местной газете "Фрайе Арбейтер Штимме" и поместил в ней много статей. Он часто выступал здесь с лекциями на английском, немецком и еврейском языках. Он интересовался русским анархическим движением и был лично знаком со многими его участниками. Но эмигрантские анархические движения интересовали его постольку, поскольку они способствовали коренному анархическому движению. Он считал, что победа анархизма и свободы в Америке абсолютно невозможна без участия в борьбе коренного американского населения.

Заканчивая настоящую статью о Рокере, я надеюсь, что обрисовал его более или менее полно, как человека, борца и писателя. Дополнения, понятно, желательны. Но как бы то ни было и какие бы катастрофы в мировой истории не произошли, одно остается несомненным: интернациональное анархическое движение никогда не забудет Рудольфа Рокера и оно всегда будет чтить его светлую память.

Л. Липоткин

Народ в скором будущем произнесет приговор над буржуазией и лишит ее прав. Он сам возьмется за свои дела, как только наступит благоприятный момент... — П. КРОПОТКИН.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ "ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ"

К. Короневский

К. Короневский

К краткому сообщению о смерти Ксенофонта Короневского, напечатанному в прошлом номере "ДТП," хочу добавить следующие — тоже краткие — сведения.

Ксенофонт Короневский был родом из Минской губ., Новогрудского уезда, Вселюдской волости, дер. Арковичи. Приехал в Америку в 1912 гогду. Сначала жил в штате Нью Гемпшир, а потом переселился в Вотербури, Конн. Русская колония в этом городе во время первой мировой войны была довольно многочисленная. Были там разные организации, в том числе и Союз Русских Граждан. Короневский сразу же вступил в эту организацию и принялся в ней весьма активно работать. Когда наладилось издание в Нью Иорке ежедневной газеты "Американские Известия" и потребовался там секретарь, то Союз Русских Граждан города Вотербури выдвинул кандидатуру т. Короневского, как человека сравнительно грамотного, имевшего четкий и красивый почерк. Состоявшаяся перед началом издания газ. конференция кандидатуру Короневского одобрила. Он был назначен секретарем и выполнял эту должность до самого закрытия газеты. С переходом "Ам. Изв." на еженедельное издание, Короневский опять вернулся в Коннектикут, но поселился на этот раз не в Вотербури, а в Сеймор, недалеко от Нью Гейвен. Здесь он в продолжении многих лет успешно распространял безвластническую литературу.

Тридцатые годы, как известно, ознаменовались созданием новых отделов РООВА в провинции. Был создан отдел (44) и в Нью Гейвен, Конн. Короневский сам вступил в этот отдел и записал туда несколько человек молодежи. Не отказывался он и от занятия разных должностей в отделе. Одно время был протокольным секретарем, входил также в состав директоров правления фармы РОВА. Вообще, проявлял присущую ему активность.

В 1953 г. Короневский, выйдя на пенсию, переселился во Флориду. В это время там был куплен кусок земли с расчетом, что все наши товарищи, вышедшие на пенсию, смогут доживать свои дни под благодатным южным солнышком, вдали от северного холода. Надежда, к сожалению, не осуществилась. Предполагаемая земледельческая колония отцвела не расцветши. Короневский, однако, из Флориды на север не вернулся. Он купил "трейлер," пристроил его на подаренном кусочке земли, и там дожил свои последние минуты.

Умер Короневский безболезненно, неожиданно, как это часто теперь случается. В субботу вечером он, как ни в чем не бывало, лег спать, а в воскресенье утром — 7 сентября — его обнаружили мертвым. По желанию покойного, похоронили его на кладбище "Гринвуд" в Вайлвуд, Фла., где через несколько месяцев присоединился к нему и его долголетний сожитель — К. Гордеенко.

Умер Короневский на 70 году своей жизни. Семьи у покойного не было, но друзей было много. И эти друзья никогда не забудут своего преданного товарища — Ксенофонта Короневского.

Друг

Н. И. Гущик

Почти во всех некрологах говорится: "умер от разрыва сердца," или же: "внезапная смерть." Вот такую внезапную смерть судьба начертала и Никифору Ивановичу Гущику, умершему сидя за рулем автомобиля.

15 ноября п. г. младшей дочери Гущика, ученице средней школы, нужно было по своим школьным делам быть в городской библиотеке. День был ненастный, лил дождь и Гущик согласился поехать вместе с дочерью в библиотеку в своем автомобиле. Туда доехали благополучно; благополучно также начали обратный путь. Правя машиной, Гущик говорил дочери: "Когда кончиш, Нина, Хай Скул, то пойдешь в Калледж. Я так хочу..." При этих словах он как бы сделал усилие приподнять голову и внезапно затих.

Дочь не растерялась; свернула автомобиль в сторону, остановила мотор и обратилась за помощью к первым попавшимся людям. Вскорости прибыла полиция и карета скорой помощи. Не приходившего в сознание Гущика доставили в госпиталь, где он спустя несколько минут и умер.

Я познакомился с Гущиком в 1922 году. Время тогда было тревожное. Еще свежи были следы палмеровских погромов. Ведение открытой работы по изданию и распространению безвластнической литературы было связано с большим риском. Лишь немногие осмеливались, что называется, под самым носом у палмеровских молодчиков вести идейную работу. К этому храброму десятку принадлежал и Н. И. Гущик.

Как только устраивался где-нибудь бал, пикник, митинг или другое многолюдное собрание — Гущик неизменно появлялся там с кипой журнала "Волна" под мышкой. Казалось, сама природа создала его для распространения литературы. Всегда живой, резвый, неусидчивый и настойчивый — он с большим успехом сбывал радикальную литературу. Не боясь впасть в преувеличение, могу смело сказать, что не будь в те годы Гущика в Чикаго, журнал "Волна" в этом городе расходился бы в гораздо меньшем количестве. Гущик всецело отдавал себя журналу. Всю свою энергию, все свободное время, а иногда и значительную сумму денег затрачивал на дорогое ему дело.

Когда издание газ. "Рассвет" было перенесено в Чикаго, Гущик принял самое деятельное участие

в этой газете. Но, конечно, газ. "Рассвет" не могла заменить журнала "Волну," к тому времени уже закрывшегося. Издание ежедневной газеты требовало больших денежных затрат, поэтому "Рассвет" был похож на обыкновенное коммерческое предприятие, с неизбежно вытекающими отсюда последствиями — угождением и подлаживанием под клиента, всегда многоликого и не всегда добросовестного. Идейная сторона большой роли не играла. Гущик, идя, так сказать, в ногу с газетой, сам постепенно терял свои прежние высокие идеалы. К тому же, к этому времени он женился. Пришлось больше заботиться о семье, о домашнем уюте, об автомобиле и т. п. материальных удобствах, чем о возвышенных идеях. Обыкновенное мещанство постепенно вытеснило все прежние идейные устремления и порывы. Единственно в чем Гущик остался тверд, как скала: в вопросе о религии. Свое отрицательное отношение к церкви он сохранил до конца своих дней. Видя, что некоторых атеистов после их смерти хоронят по религиозным обрядам, Гущик весьма беспокоился из-за этого и неоднократно просил свою жену похоронить его без кадила и кропила. Жена, как видно, не любила серьезно говорить об этом (кому хочется серьезно говорить о таких вещах, как смерть и похороны близкого человека?), поэтому она отвечала шуткой: "Будешь хорошо относиться ко мне, похороню как ты желаешь, не будешь — позову попа." Вероятно в связи с этим тревожным вопросом Гущик оставил маленькую записку, в которой он как бы набросал свой письменный портрет. Вот что он написал:

"Никифор Иванович Гущик, Виленской губ., Вилейского уезда, Порплищинской волости, застенок Побединщина. Родился 19 февраля 1899 года. Национальность — русский. Вероисповедание — православное. Не исполнял религиозных обрядов. Просьба: не приглашать после моей смерти духовных лиц."

Семья Гущика выполнила просьбу покойного, но не выполнил ее заведующий погребальным бюро. Как выяснилось, между погребальным бюро и одним православным священником существует своеобразный неписанный договор, в силу которого ко всем покойникам, русского происхождения, должен приглашаться священник. Эту монополизацию мертвых душ распространили и на Гущика. К нему тоже—перед самым выносом тела из похоронного бюро—пригласили священника, несмотря на то, что заведующий похорон. бюро, а также и сам священник знали волю покойного. (Записка, оставленная Гущиком, была известна заведующему похоронным бюро.) Сухая формальность, а также те несколько десятков долларов, которые причитаются за совершение религиозных церемоний, как видно, дороже воли покойного.

В заключение следует отметить, что Гущик, несмотря на некоторую перемену в своих взглядах, всегда оставался честным человеком. Он не умел кривить душой. Всегда открыто и просто говорил то, что думал.

В личной жизни Гущик достиг заметных успехов. Своим упорным трудом он создал то, что принято называть домашним гнездышком. Имел хороший дом, хорошую семью, хороший автомобиль и т. д. Способствовало этому, пожалуй, больше всего то обстоятельство, что Гущик почти сразу же по приезде в эту страну (он приехал в США в 1913 г.) попал в портняжную индустрию, где меньше всего ощущались ужасы прежних депрессий. Некоторое время Гущик, впрочем, работал в лесах. Это было в самом начале его пребывания в этой стране.

В России Гущик оставил шесть братьев, из которых, по словам покойного, остались в живых только два. Здесь же, в Америке, Гущик оставил, кроме жены, две дочери и три внука. Оставил так же много друзей, к числу которых принадлежу и я, несмотря на то, что во многом я с покойным не соглашался. И эти друзья долго, долго будут помнить Гущика, и как хорошего человека, и как бывшего когда то преданного идейного работника.

Спи, наш друг!..

Т. Юскович

ХРОНИКА

ВОЗМОЖЕН ПЕРЕСМОТР ДЕЛА САККО И ВАНЦЕТТИ

В законодательную палату штата Массачузетс внесен проект о пересмотре дела Сакко и Ванцетти. Автором проекта является молодой представитель от гор. Медфорд, Александр Целла. Целла родился уже после того, как Сакко и Ванцетти были казнены. С делом казненных он познакомился случайно и поразился обилием противоречий в этом деле и отсутствием хотя бы каких-либо более-менее убедительных улик. Целла требует не только пересмотра этого нашумившего в свое время дела, но и оправдания казненных. Он нисколько не сомневается, что судом была допущена ошибка и считает, что гораздо лучше мужественно признать свою ошибку, чем скрывать ее и тем самым давать повод разным толкам и пересудам.

Пока еще неизвестно будет ли поставлен проект молодого законодателя на повестку дня. Неизвестно также каких результатов можно ожидать в случае его обсуждения. Но одно ясно: Сакко и Ванцетти казнены невинно. Иначе человек, заинтересованный в прочности и авторитетности государственного аппарата, не мог бы усомниться в правильности судебного приговора. Целла хотя и законодатель, но еще молодой, неиспорченный. У него еще хватило смелости громогласно заявить о допущенном пристрастии во время разбора дела Сакко и Ванцетти.

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ АНАРХИСТА

В городе Сливень (Болгария) погиб при загадочных обстоятельствах анархист Манол Васев, отбывавший срок тюремного наказания. (В странах, где власть находится в руках большевиков, местом жительства для анархистов являются тюрьмы.) Официальная версия гласит, что Васев

умер естественной смертью, но друзья покойного утверждают, что Васев был отравлен тюремной администрацией.

Болгарские анархисты в изгнании выступили с протестом против жестокостей, творимых в красных казематах. В протесте, между прочим, говорится, что болгарские власти отклонили требование медицинского освидетельствования тела погибшего.

ОБЩЕСТВО БРАТЬЕВ

По инициативе Э. Арнольда в Германии в 1920 году организовалось Общество Братьев, поставившее своей целью — возрождение первого христианства. С приходом к власти Гитлера существование Братства стало невозможным. Пришлось эмигрировать. Часть Общества переселилась в Англию, другая — в Южную Америку, третья — в Соединенные Штаты. Осевшие в Парагвае (около 700 человек) занимаются главным образом земледелием. Содержат также больницу, в которой не только члены Братства, но и туземцы получают бесплатное лечение. Поселившиеся в Уругвае занимаются преимущественно огородничеством. Близость больших городов способствует этой отрасли земледелия. В Соединенных Штатах имеется три Общины. Некоторые занимаются земледелием, а некоторые производством детских игрушек, нужных в начальных школах. В Англии две Общины. Занятие в одной — земледелие, а в другой — производство предметов домашнего обихода, включая и прядильные станки. После падения Гитлера некоторые члены Общины опять вернулись в Германию, где они организовали производство ящиков и мебели. Так как Общество Братьев состоит преимущественно из семейных людей, то все имеют отдельные квартиры. Но обедают вместе и во время обеда обсуждаются текущие дела. Решения принимаются лишь тогда, когда достигаются единогласно. Совместно происходит распределение занятий. Жалованья за работу никто не получает. Нужные предметы выдаются из общественного склада ПО ПОТРЕБНОСТЯМ. Детям по достижении известного возраста разрешается жить и работать вне Общины. Делается это с той целью, чтобы дети сами убедились где лучше — в Общине или за ее пределами. В большинстве случаев дети возвращаются обратно в Общину. Национальность роли не играет. Официальным органом Бртств является периодический журнал "Плуг," название которого не совсем отвечает своему назначению, ибо члены Братств занимаются не только земледелием, но промышленностью. В общине много людей с высшим образованием.

"МАКЕДОНИЯ" НА НОВОМ МЕСТЕ

На страницах "ДТП" уже сообщалось, что члены колонии "Македония," просуществовавшей много лет в штате Джоджия, решили ликвидировать свое дело и присоединиться к Обществу Братств. Окончательно с Обществом Братств они, однако, не слились, а образовали свое самостоятельное поселение. Место, где сейчас находится "Македония" (теперь она называется не "Македония,' а "Эвергрин") расположено в 40 милях от Хартфорд, Конн. возле города Норфолк, Конн. Расстояние от Нью Иорка — 100 миль. Члены колонии будут заниматься тем же, чем они занимались в Джорджии — земледелием, производством мебели и детских игрушек. В колонии сейчас 65 человек. Основные принципы те же, на каких колония была основана в Джорджии — христианский коммунизм. Переселение из Джорджии в Коннектикут состоялось не только из-за желания избежать чисто хулиганских выходок ку-клукс-клана, так часто практикующихся в Джорджии, но и потому, чтобы находиться на близком расстоянии от главной общины Брудергоф (т. е. Общества Братств), расположенной в шт. Нью Иорк недалеко от города Вудкрест.

"БРАСЕРОС"

"Брасерос" испанское слово, соответствующее русскому "чернорабочие." Несмотря на быстро развивающуюся механизацию, обойтись без чернорабочих в некоторых отраслях промышленности все еще невозможно. Особенно часто нужны еще чернорабочие в сельском хозяйстве. В прежние годы эту потребность пополняли преимущественно иммигранты. В последние годы, ввиду весьма ограниченного притока иммигрантов черную работу начали выполнять главным образом мексиканцы.

Во время второй мировой войны, вследствие недостатка в рабочих руках, был проведен специальный закон, дающий право вашингтонскому правительству заключать контракт с правительством Мексики относительно доставки ежегодно известного количества "брасерос." Война закончена, недостатка в рабочих руках больше нет, но закон этот остается в силе и контракты между двумя правительствами ежегодно возобновляются.

Сначала "брасерос" работали только в Калифорнии и в некоторых южных штатах, но в 1957 году услугами "брасерос" уже пользовались в 39 штатах. Этот быстрый успех нетрудно объяснить если принять во внимание, что "брасерос" получают от 35 до 45 сентов в час. Для предпринимателей "брасерос" — настоящий клад. Закон о минимуме заработной платы никакого значения не имеет, ибо закон этот на сельско-хозяйственных рабочих не распространяется.

Доставка "брасерос" из Мексики ежегодно обходится государственной казне в 2 с половиной миллиона долларов (часть расходов покрывают предприниматели). За проезд "брасерос" сами платят, государственные же расходы идут главным образом на содержание соответствующих контор, чиновников, конторских рабочих и агентов, вербующих "брасеросе."

Главными "потребителями" "брасерос" являются крупные компании, владеющие обширными участками земли и занимающиеся выращиванием овощей, ягод, фруктов и т. п. Во время уборки в некоторых "кемпах," специально построенных для

этого, количество "брасерос" доходит до 6,000 человек. За кушанье и пребывание в "кемпе" компании считают с каждого "брасеро" 1 д. 75 с. в день. По мнению лиц, побывавших в этих "кемпах," компания зарабатывает не меньше 50 сентов с человека в день. Одним выстрелом убиваются два зайца: и дешевые рабочие руки есть, и побочный доход от этих дешевых рук. (6,000 человек дают компании 3,000 дол. ежедневного дохода.) Там, где одни извлекают выгоду, другие должны нести лишения. Это уж такой "закон." Расплачиваются в данном случае, помимо самих "брасерос," бедные слои населения страны. Прежде всего, страдают негры, ибо "брасерос" вытесняют их с полевых работ. Хотя заработок, получаемый неграми, тоже плачевный, но все же он больше 35-45 сентов в час. Поэтому там, где появляется "брасерос," негритянскому населению ничего другого не остается, как только складывать пожитки и отправляться на север в поисках работы.

Страдают от "брасерос" и мелкие фермеры. Крупные земледельцы, пользующиеся услугами "брасерос," имеют возможность продавать свои продукты дешево и зарабатывать на этом. По такой же цене должны отдавать свои продукты и мелкие фермеры, что в конечном итоге ведет их к разорению.

Как всегда бывает в таких случаях, виновника ищут не там где надо. Вместо того, чтобы винить правительство (в первую очередь министра труда) и крупных предпринимателей, вину складывают на "брасерос," фактически являющихся не меньшими же жертвами этой "хитрой механики." В некоторых случаях "брасерос" не решаются даже отправляться в одиночку в ближайшие города.

По контракту "брасерос" после снятия урожая должны отправляться на родину. Но не всегда так бывает. Возвращается в Мексику приблизительно половина "брасерос," а другая половина остается на постоянное жительство в Соед. Штатах. Никто их не ищет, никто не преследует, ибо они нужны крупным предпринимателям.

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

Вышла 55-я книга "Нового Журнала" под редакцией М. М. Карповича. Содержание: **Бор. Зайцев** — Разговор с Зинаидой. **Н. Берберова** — Мыслящий тростник. **Л. Ржевский** — Рябиновые четки. **Н. Ульянов** — Солнца свет. **Г. Андреев** — В дни короткого отпуска. СТИХИ: **Георгия Иванова, Ирины Одоевцевой, А. Величковского, Ивана Елогина, Д. Кленовского, Вл. Корвин-Пиотровского. Н. Турсвероса.** ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО: **Роман Гуль** — Победа Пастернака. **М. Корякев** — Термометр России. ВОСПОМИНАНИЯ и ДОКУМЕНТЫ: Письма М. Горького к Л. Андрееву. **А. Седых** — Бальмонт. **Н. Алексеев** — В Толстовском доме. **Вяч. Новиков** — Мои адвокатские воспоминания и др. интересный материал.

КОНТРАСТЫ ГОРОДА МАЙЯМИ

За последние два десятка лет Майьми и Майями Бич стали неузнаваемы. На берегу океана, еще недавно представлявшем пустыню, зашумели посаженные опытными садоводами пальмы, заалели цветы и выросли, как грибы после дождя, роскошные гостиницы. Несмотря на то, что океан в нескольких шагах, но в каждой гостинице — свой бассейн для купанья. Роль этих бассейнов — не только предохранение купальщиков от океанских хищников, но и преумножение амурных дел. Известно, что если бедняки облекаются в купальные костюмы для того, чтобы освежить свое тело в морской воде, то богачи облекаются в эти костюмы для того, чтобы прельстить кого-то своей статностью и дородностью. Последнее же легче всего достигается в частных бассейнах.

Гордостью Майями Бич считаются кокосовые пальмы, раскинутые стройные рядами на фоне зелени и цветов. Освещение устроено так, что верхушки пальм озарены разноцветными огнями. Вечером, вследствие этого, получается сказочный вид, способный зачаровать даже старожила, а не то что новичка.

Верхняя часть Майями Бич — это столица разных Мики Когенов, способных давать "на чай" по 100 долларов. Живут в этом районе только те, у кого, как говорится, даже куры денег не клюют. Мужчины без конца дымят дорогими сигарами, а женщины щеголяют последней моды нарядами или же туалетом прародительницы Евы. Чтобы иметь хоть некоторое представление о стоимости жизни в этом районе, достаточно указать, что для того, чтобы переночевать в гостинице, нужно заплатить 5 долларов в сутки.

Нижняя часть Майями Бич (район 1-й улицы) — так сказать, для галерки. Но галерка Майями Бич не похожа на галерку других городов. Это не беднота, а то, что принято называть "серединкой." Ютятся здесь преимущественно квалифицированные рабочие да мелкие торговцы. Почти все пожилые — молодежи мало. Пользуются городским пляжем бесплатно, стоянка для автомобилей — тоже басплатно, ловля рыбы — тоже бесплатно. Уходящая далеко в океан пристань служит местом ужения рыбы. Здесь плечо к плечу сидят завзятые рыболовы, все свое внимание сосредоточившие на поплавке. Для них, кроме поплавка, больше ничего на свете не существует. Вечерами на пристани иногда устраиваются импровизированные концерты или "танцульки." Хором и оркестром заведует детина, каких когда то часто приходилось встречать среди одесских грузчиков. Слышны больше всего еврейские мотивы, но иногда огласит воздух и русская плясовая. Это доказывает, что посетителями этого района знакомы берега Черного моря. На эстраде красуется изречение: "Жизнь на Майями Бич начинется в 58 лет." Последняя цифра каждый год увеличивается на одну единицу. Так, в прошлом году жизнь начиналась в 57 лет, а в этом году уже в 58. Надпись, кажется, себя оправдывает,

ибо как только раздадутся звуки джаза, то бывшие черноморцы начинают усердно тереть цементовый пол ногами, т. е. танцевать. Джаз побеждает и отравляет всех...

Нужно сказать несколько слов о Грындос парк. Это — островок, соединенный мостом с городом. Недавно островок был в диких зарослях, и город очистил местность и приспособил ее для пикников, купанья и разных развлечений. Иногда здесь устраивают пикники и наши товарищи итальянцы, число которых в Майями все увеличивается.

Приблизительно на полпути в Грындос парк можно свернуть с моста и попасть в своеобразные джунгли. Это место отцами города оставлено для... негров. Негры в Майями, как во всем штате Флорида, неполноправные граждане. Они имеют право работать в ресторанах или же в гостиницах, но зайти туда пообедать или же переночевать — Боже упаси. Могут также негры заниматься уборкой пляжа, но пользоваться этим пляжем наряду с белыми они не имеют права. Черта оседлости везде: и в смысле жительства, и в смысле отдыха. Местом для жилья в большинстве случаев для негров служат трущобы, а местом для отдыха — не расчищенные джунгли. Конечно, богатые негры — исключение из этого "правила," но богатых негров не так уж много. Подавляющее большинство — беднота. Смотря на эти "порядки" — лицёмерием кажется утверждение, что Соединенные Штаты — свободная страна и что здесь все равны и одинаковы. Какое может быть равенство, если негр не может купаться там, где купается белый? Почему везде мозолят глаза унизительные надписи: "для белых," "для цветных"? Особенно анахронизмом кажутся эти надписи в Майями, в этом поистине космополитическом городе. Все могут разгуливать на Майями Бич, только не негры. Интересно, в сколько лет для негров начинается жизнь на Майями Бич? Интересно также: если вход неграм воспрещен, то почему не воспрещен вход негритянской музыке — джазу?

Но вернемся к пляжу. Проходя по мягкому песку, можно услышать речь на разных языках. Особенно часто слышится украинская речь. Это — жители Канады, успевшие там разбогатеть, приезжающие каждую зиму в Майями. Их разговор ничем не отличается от разговора других национальностей. Все тот же "секс" и погоня за долларами. Встречаются на Майями Бич и русские, особенно Ди-Пи. Некоторые из них оказались довольно юркими в смысле приспособленчества: имеют свои дома, автомобили и проч. Группируются русские около двух церквей. Никаких гражданских организаций нет. Лекции и доклады, за весьма редким исключением, не устраиваются. Библиотеки или читальни нет. Культурная работа так же идет человеку, стремящемуся к приобретению дома и автомобиля, как седло корове. Журнал "ДТП" в руки не хотят брать, ибо там ничего нет про "лошадок" (скачки). Анархизм... да что это такое? Для большинства б. Ди-Пи анархические идеи — настоящая китайская грамота.

Это тоже своеобразный контраст: бежали от несправедливости, а здесь сами родят несправедливость. Много разных контрастов в Майями, но самым разительным, быть может, следует считать то, что там, где теперь высятся колоссальные отели, совсем недавно прыгали зайцы и ползали гремучки. Не больше 60 лет тому назад на том месте, где сейчас Майями Бич, были настоящие джунгли. Доллар при помощи рук чернокожих расчистил джунгли, уничтожил змей и построил дворцы-палаты. Доллар и теперь там полноправный хозяин, а чернокожий должен обходить это место на известном расстоянии.

Ф. Коваленко

Анархизм

Анархизм — учение жизни. Анархизм родится с каждым человеком и живет в каждом из нас, но задавлен — нищетой, робостью, лакейством перед людьми и перед теориями, привычками к насилию и развратной жизни. И нужны — смелость, просветление, жажда подвига, чтобы в каждом — и большом и малом — проснулся анархизм.

Анархизм — учение свободы! Не отвлеченой, призрачной свободы, но жизненной, реальной. В основе всех настроений анархизма — свободный человек, свободный от гнета учреждений, от власти законов, которые для него придумали другие. Но свобода анархиста есть свобода всех. Раз есть раб, он — несвободен. Анархист должен бороться до тех пор, пока не будут свободны все. Нет идолов для анархизма, ничего абсолютного, кроме самого человека, его свободы, его прав на безграничное развитие.

Анархизм — учение культуры! Ибо анархизм зовет не к разрушению, но преодолению культуры. Не к бессмысленному разгрому и расхищению достояния народного, но к бережному хранению ценностей, в которые заключены творческие достижения человека, которые — необходимы, как средство к последовательному, непрерывному нашему освобождению.

Анархизм — учение любви! Ибо он учит любить не себя только и свою свободу, но каждого и всех. Он зовет к подвигу, зовет к великому делу, чтобы плоды его собрали не только наши современные, но и будущие, далекие от нас братья. Он зовет к борьбе, разрушению насильнической системы, но не к мести и бесстыдным самосудам против отдельных лиц.

Анархизм — учение радости! Ибо он

верит в человека, верит в его неограниченные возможности, верит, что своим подвигом для всех он связует все времена и всех людей. Так родится радость творца величайшая из возможных для человека радостей.

А. А. Боровой

Помощь журналу

ПИСЬМО ИЗ ДЕТРОЙТА

Уважаемые Товарищи. Посылаем вам 105 долларов, из которых 15 д. за проданные номера журнала а остальные — добровольные пожертвования. Жертвовали следующие товарищи: М. Волынский 20 д., Т. Шумович, Д. Савчук, С. Евдост и И. Черный по 10 д., М. Гейдор и И. Панасевич по 5 долларов. Поступило из дрругих городов. **Сан Франциско:** Н. Г. 15 д., **Нью Кестл, Па.:** Я. Т. 5 долларов.

Выражая искреннюю благодарность всем жертвователям, мы вместе с тем поздравляем их, а также всех остальных друзей и товарищей, принимающих участие в издании "ДТП," — с наступившим новым годом и желаем всем счастья и здоровья. Кроме наших личных добрых пожеланий, выражаемых обычно друг другу по случаю Нового Года, у нас есть одно общее—тоже весьма хорошее—пожелание: продолжать издание журнала "ДТП." Всем нам хочется, чтобы наш журнал выходил как можно чаще и чтобы на его страницах серьезно и объективно излагалась как теория нашего идеала, так и методы его осуществления. Одиночкам эта задача не под силу, но совместными усилиями ее вполне можно осуществить. И мы верим, что если все мы проявим немного больше активности, как в смысле распространения журнала, так и в смысле пожертвований на его издание, — мы будем гораздо чаще читать свежие номера единственного на русском языке безвластнического органа.

Профсоюз

ПОЖЕРТВОВАНИЯ ПОСТУПИВШИЕ В НЬЮ ИОРК

Вудсайд, Н. И.: В. Свида — 5 д. **Флошинг, Н. И.:** Ка—дюк — 10 д. **Новый Египед:** С. Пе—чук 5 д. **Сант Луис:** М. Х. — 5 д., И. Ра—чик — 5 д. **Хемстед, Н. И.:** В. Р—ха — 5 д. **Рочил, В. Вирж.:** В. Архипов — 5 д. **Виннипег, Кан.:** О. Довгалюк — 2 д. **Джунеау, Аляска:** Т. Балов — 1 д. **Торонто, Канада:** А. Стаиоча — 3 д. **Бруклин, Н. И.:** Т. Струк — 5 д. **Ватербури, Конн.:** Д. Бе—в — 5 д. **Чикаго:** А. К—в — 5 д. **Рочестер:** Р. До—на 5 д. **Абердин, С. Дак.:** А. Русецкий — 5 д. 31 с. **Лос Анжелес, Калиф.:** Г. Гаровей — 2 д. **Поланд, Охайо:** С. Медынич — 10 д. **Торонто, Канада:** П. Гронский — 5 д., К. Семенос — 5 д. **Юнгставн, Охайо:** П. Шумко — 12 д. **Н. И.:** Н. С. — 25 дол. **Чикаго, Илл.:** Т. Лукашевич — 10 д., О. Максимова — 5 д., М. Тараненковы из Гонолулу — 5 д., 8 д. 50 с. выручка от продажи журнала.

ПЕРИОДИКА

БЕЗВЛАСТНИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

"FREEDOM"
Еженед. газета на английском языке. Адрес:
Freedom Press
27 Red Lion Street London W. C. 1, England

"UNIVERSITY LIBERTARIAN"
Периодич. журнал издающ. молодежью. Адрес:
13 Bannerman Ave.
Prestwich, Manchester, England

"LE REVEIL ANARCHISTE—
IL RISVEGLO ANARCHICO"
Ежемес. журнал на французск. и итальян. яз. Адрес:
44 Eaux—Vives Geneva, Switzerland

"VIEWS AND COMMENTS"
Периодич. орган, выходящ. в Нью Иорке.
Почт. Адрес:
P. O. Box 261, Cooper Sta. New York 3, N. Y.

"НАШ ПУТЬ"
Анархич. орган на болгарском языке. Адрес:
Boite Postale 89, 05, Paris, France

"ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ"
Анархический орган на японском языке. Адрес:
"LA NIGRA FLAGO"
T. Soejima
1-26 Nisisinmachi Hukuoka, Japan

"CATHOLIC WORKER"
Орган христианских анархистов (католиков)
223 Chrystie St. New York 2, N. Y.

"LIBERATION"
Ежемес. журнал, близк. к анархизму. Адрес:
110 Christopher St. New York 14, N. Y.

"GERMINAL"
Журнал на итальянск. языке. Адрес:
Tomasini Umberto, Via Mazzini 39, Trieste, Italy

"VOLUNTAD"
Газета на испанском языке. Адрес:
Casilla Correo 637 Montevideo, Uruguay

"SOLIDARIDAD OBRERA"
Орган испанск. анарх. в изгнании. Адрес:
24 Rue Sainte-Marthe Paris X, France

"FREIE ARBEITER STIMME"
2-х недельн. газета на еврейском языке. Адрес:
33 Union Square New York 3, N. Y.

"НАБАТ"
Периодич. орган на болгарском языке. Адрес:
I. Christou
C.P. 37, Geneve IV, Switzerland

"UMANITA NOVA"
Газ. на итальянском языке. Адрес:
70 via Milano, Roma, Italy

Le monde LIBERTAIRE
Ежемес. журнал на французском языке. Адрес:
53 bis, rue Lamark, Paris 18e, France

"TERRA y LIBERTAD"
Газ. на испанском языке. Адрес:
Apartado Postal, 10596, Mexico I, D.F., Mexico

"LA PROTESTA"
Анархический орган в Аргентине. Адрес:
Stantander 408, Buenos-Aires, Argentina